О МЕЖДУНАРОДНОМ ЖЕНСКОМ ДНЕ 8 МАРТА

Постановление ЦК ВКП(б)

Международный женский день 8 марта трудящиеся СССР встречают в этом году в обстановке мощного политического и трудового под'ема. Советский народ успешно выполнил план первых двух лет послевоенной пятилетки и широко развернул социалистическое соревнование за выполнение пятилетки в четыре года. Под руководством коммунистической партии советские женщины вместе со всем народом отдают все свои силы на строительство коммунистического общества.

Коммунистическая партия и советская власть осуществили полное политическое и экономическое равноправие женщин, вовлекли миллионы тружениц в строительство первого в мире социалистического государства. В условиях советского общественного строя женщины получили возможность всестороннего развития своих способностей и творческих сил.

Итоги тридцатилетнего социалистического строительства неразрывно связаны с активным участием женщин во всех отраслях народного хозяйства СССР. В годы сталинских пятилеток женщины своим самоотверженным трудом сыграли огромную роль в превращении нашей Родины из отсталой страны в могучую индустриальную социалистическую державу. В годы Великой Отечественной войны советские патриотки мужественно переносили все испытания военного времени, с оружием в руках защищали Родину, добросовестно трудились на фабриках, заводах и в колхозах, помогая обеспечивать армию и страну всем необходимым для победы над врагом. Глубокая вера в дело партии Ленина—Сталина и безграничная преданность Родине воодушевляли женщин на беспримерные трудовые и боевые подвиги во имя свободы и независимости советской Отчизны.

Теперь, в период мирного социалистического строительства, миллионы советских женщин самоотверженно работают на фабриках, заводах, железных дорогах, проявляют высокую социалистическую сознательность в труде, неустанно совершенствуют свое мастерство, успешно овладевают новой техникой и сложными профессиями. Десятки тысяч женщин руководят предприятиями, цехами, сменами и участками. Число женщин командиров промышленности, инженеров и техников превышает 250 тысяч. В борьбе за выполнение пятилетки в четыре года женщины — работницы, инженеры и техники проявляют творческую инициативу и изобретательность, являются выдающимися организаторами и новаторами производства. Партия и правительство высоко ценят самоотверженный труд советских женщин в промышленности и на транспорте. Десятки тысяч женщин за стахановский труд награждены орденами и медалями.

Раскрепощенная и поднятая колхозным строем к активной общественной жизни советская женщина-крестьянка превратилась в серьезную силу в колхозах. За годы советской власти в деревне выросли замечательные кадры женщин-колхозниц, передовых мастеров и умелых организаторов социалистического земледелия и животноводства. Тысячи женщин стоят во главе колхозов, сотни тысяч руководят звеньями, бригадами, животноводческими фермами, работают трактористками и комбайнерками. Миллионы женщин-колхозниц по зову большевистской партии поднялись на борьбу за послевоенный под'ем сельского хозяйства, за укрепление общественного хозяйства колхозов. Крупными успехами в повышении урожайности зерновых и технических культур, достигнутыми в 1947 году, советский народ в огромной мере обязан неутомимому упорному труду наших женщин-крестьянок. За получение высоких урожаев многие тысячи колхозниц награждены орденами и медалями. Среди передовиков сельского хозяйства, удостоенных высокого звания Героя Социалистического Труда, имеются сотни женщин-колхозниц.

Женщины СССР принимают деятельное участие в развитии передовой в мире советской социалистической культуры, укрепляют духовное могущество нашего народа. Широко используя свое право на образование, женщина выросла в крупную культурную силу нашей страны. В Советском Союзе в числе специалистов, имеющих законченное высшее образование, 43 процента составляют женщины. В различных отраслях науки и техники плодотворно трудятся десятки тысяч женщин—научных работников. За выдающиеся достижения, открытия и изобретения женщинам присуждено свыше 200 Сталинских премий.

В области народного просвещения работает более 2 миллионов женщин Женщины-педагоги отдают свой труд благородному делу воспитания нашей молодежи в духе высокой идейности, преданности и любви к нашей Родине. В области здравоохранения работает свыше миллиона женщин, в том числе 126 тысяч женщин-врачей.

Непрерывно растущая общественно-политическая активность женщин является одной из основных особенностей социалистической демократии. Активное участие женщин в выборах в местные Советы депутатов трудящихся показало политическую зрелость и преданность советских женщин делу партии Ленина—Сталина. Более 480 тыс. лучших дочерей советского народа избраны в местные Советы депутатов трудящихся. 277 женщин являются депутатами Верховного Совета СССР, 1.738—депутатами Верховных Советов союзных и автономных республик. Массовое участие женщин в управлении государством является одним из важнейших показателей непреоборимой силы советского строя.

Патриотический труд советских женщин во всех областях общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни страны содействует дальнейшему упрочению и развитию социализма.

Велика заслуга женщины-матери в деле воспитания молодого и отважного племени строителей коммунизма. Советские женщины помогли нашей Родине вырастить героическое поколение людей страны социализма, сумевших отстоять наше Отечество от угрозы фашистского порабощения и умножить славу советского государства боевыми и трудовыми подвигами. Воспитание детей — почетный общественный долг женщины-матери. Советское государство окружает женщину-мать неустанной заботой, оказывает ей большую помощь. Только в 1947 году на пособия многодетным и одиноким матерям, а также на охрану материнства и детства было отпущено около десяти миллиардов рублей. Более 2 миллионов 200 тысяч женщин-матерей награждены орденом «Материнская слава» и медалью «Медаль материнства». Почетное звание «Мать-героиня» присвоено 25 тыс. женщин.

Завоевания советского народа в деле полного раскрепощения женщин и широкого приобщения их к активной общественно-хозяйственной и культурной деятельности вдохновляют эксплоатируемых и порабощенных женщин капиталистического мира на борьбу за уничтожение империалистического гнета, за свое политическое и экономическое освобождение. В буржуазном мире трудящиеся женщины попрежнему остаются самыми угнетенными из всех угнетенных слоев общества.

Международный женский день 8 марта трудящиеся женщины всего мира празднуют в этом году в условиях дальнейшего обострения общего кризиса капитализма, ослабления сил капитализма и укрепления сил социализма и демократии, в условиях упорной борьбы демократического лагеря за прочный и длительный мир, против поджигателей новой войны. Все новые миллионы трудящихся женщин капиталистических и колониальных стран встают в ряды борцов антиимпериалистического, демократического фронта.

ЦК ВКП(б) предлагает всем партийным организациям провести Международный женский день 8 марта под знаком мобилизации советских женщин на восстановление и дальнейший под'ем народного хозяйства страны, на выполнение и перевыполнение плана третьего года послевоенной пятилетки. Производственная активность женщин—работниц, инженеров и техников должна быть направлена на всемерное повышение производительности труда, улучшение качества и снижение себестоимости продукции. Женщины-колхозницы должны направить свои усилия на борьбу за дальнейший неуклонный под'ем сельского хозяйства, повышение урожайности полей и продуктивности животноводства.

ЦК ВКП(б) напоминает всем партийным, советским, профсоюзным и комсомольским организациям, что одним из важнейших условий успешного строительства коммунизма является дальнейшее усиление роли женщины во всех областях общественно-хозяйственной деятельности. Жизненные интересы партии и народа требуют смелого и решительного выдвижения передовых женщин на руководящую государственную, хозяйственную, партийную и профсоюзную работу.

Партийные, советские и профсоюзные организации обязаны усилить заботу о женщине-матери, оказывать ей повседневную помощь в воспитании молодого советского поколения. Улучшение условий труда и быта женщин, расширение сети детских садов, яслей, родильных домов, предприятий общественного питания должны быть постоянно в центре внимания всех партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных органов.

Партийные организации должны и впредь воспитывать женщин в духе советского патриотизма и национальной гордости за свою великую социалистическую Родину, повышать их коммунистическую сознательность.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 19 (2402) Суббота, 6 марта 1948 г. Цена 40 коп.

СПОР О ПРЕКРАСНОМ

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

На-днях я получила письмо из Нью-Йорка. Американка, гостившая недавно в Советском Союзе, пишет мне:

«...У нас подлинное царство террора, и вы не можете себе представить, насколько усилилась реакция даже за сравнительно короткий срок моего отсутствия. Это по-настоящему тревожно. Люди, которые раньше не боялись того, что их имена могут быть упомянуты в той или иной связи с прогрессивным движением, теперь нередко отходят от борьбы... Вы не можете представить себе, какими способами внедряется здесь «план Маршалла». Люди просто боятся сказать, что план этот не то, что должно быть. Мне затыкают рот при каждой попытке выступить против этого опасного и злобного плана «большого бизнеса», плана удушения новых демократических государств Европы. Так же трудно бороться и с растущей кампанией клеветы на Советский Союз. Нет пределов лжи. Лжецы бессовестны...»

После вашего письма вы мне стали понятнее и ближе, чем в последние дни вашего пребывания в Москве, когда, вы помните, у нас совсем не ладились беседы. В те дни мне, может быть, впервые стало ясно, что очень по-разному мы и думаем и чувствуем, по-разному смотрим на вещи и как бы дышим воздухом разных высот. В разговоре мы буквально ощущали «тяжесть непривычной атмосферы». Это началось с незначительного, на первый взгляд, спора в одном из московских музеев. Вы остановились перед картиной французского художника Шардена «Молитва перед обедом», изображающей простую семью, собравшуюся за скромной трапезой. Художник мастерски написал усталую, поникшую фигуру женщины, ее лицо с выражением безнадежной покорности в затуманенных глазах и безвольно опущенных уголках губ. Вас восхитили «изумительные теплые краски» и «красота смирения», выраженная в облике женщины. На меня полотно Шардена именно поэтому произвело иное впечатление. Я сказала, что не нахожу женщину красивой. «То-есть, может быть, она и красива, — поправилась я,—но мне почему-то неприятна ее красота!» В самом деле, облик шарденовской женщины с ее безнадежной покорностью будил во мне какое-то тяжелое воспоминание, вызывал острое чувство протеста, гневное желание возражать художнику... Я не могла припомнить, что именно рождает во мне это чувство протеста, и это увеличивало досаду. Вы иронически спросили меня тогда, где я получила эстетическое воспитание?

Этот день запомнился мне еще по одному незначительному эпизоду. Мне хотелось подарить вам на память маленький сувенир, из тех, которые так любят американцы. Что могло быть лучше, как подарить вам красную звездочку. Вы помните, я рассказала вам однажды о девушке с красной звездочкой на кубанке. Девушку звали Лелей Колесовой. Мы познакомились с ней очень просто — на снежной улице Москвы 1941 года, во время вражеского воздушного налета. С оранжевыми пропусками «на право беспрепятственного движения по Москве позже 24-х часов» и светложелтыми — «на право беспрепятственного движения по Москве в условиях «ВТ» — мы обе торопились, каждая на свой пост. Мы шли в одну сторону, и в резком свете ракет я хорошо разглядела мою спутницу в новеньком полушубке и кубанке с красной звездой. Несмотря на высокий рост и довольно плотную фигуру, в облике девушки было что-то хрупкое, ребячье. Такое впечатление рождалось, возможно, от нежного цвета лица, от свежих, как-будто обиженно вытянутых губ, от белокурого локона на высоком лбу, на котором поперечная морщинка напоминала трещинку на фарфоре. Девушка была немного скуласта и курноса, глаза ее смотрели строго, и она мне показалась очень красивой в ту ночь. Впоследствии Леля Колесова взрывала мосты и эшелоны в тылу врага и погибла в бою за маленькую советскую деревню Выдрица. За проявленное геройство и мужество в боях с немецкими захватчиками указом Президиума Верховного Совета Союза ССР в ноябре 1944 года Леле Колесовой посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Боевые товарищи Лели прислали мне красную звездочку с ее кубанки...

Но как я была огорчена в тот день, после музея, когда, показав вам такую звездочку, я не увидела на вашем лице ни волнения, ни заинтересованности. Вы повертели ее в руках и минутой позже попросили меня, чтобы я купила в подарок вашей дочери в качестве сувенира брошку-петушка. У вашей дочери, как вы сказали, уже есть петушки из Франции, из Англии и некоторых других стран, в которых вы побывали. «Сравнивая краски оперения, форму петушиных гребешков, девочка развивает эстетические способности, приучается чувствовать красоту». Я исполнила вашу просьбу. И с тех пор до получения вашего последнего письма мне не хотелось, просто казалось лишним возвращаться к нашему разговору о том, где я получила эстетическое воспитание. Однако теперь я отвечу на ваш иронический вопрос.

В этом отношении очень много мне дала Великая Отечественная война: я увидела красоту самоотверженного подвига Зои Космодемьянской и ее героических сверстниц, я увидела красоту бессмертия. Сколько наших женщин проявили на войне беспримерную отвагу и мужество в борьбе с врагом, сражаясь в рядах Советской Армии и в партизанских отрядах!

Нет, я не говорю, что нельзя развивать чувство красоты, коллекционируя игрушечных петушков, но я плохо, видимо, понимаю вас в этом случае, может быть, потому, что пока ваша дочка изучала форму петушиных гребешков, моя трехлетняя девчонка дрожала по ночам, видя в кошмарах «красных петухов» — огни военных пожаров...

Да! Война многому научила нас. Но мое эстетическое воспитание началось значительно раньше. Еще в детстве, в широких степях, где темнеет вороненое крыло Дона, я почувствовала красоту стремительного похода буденновских отрядов. И я, и мои сверстники научились ценить красоту вольного простора, завоеванного нашими старшими товарищами.

А потом я увидела цехи московского завода «Динамо» имени Кирова. И я навсегда запомнила, как бухает пневматический молот, как в литейной выливается из печей расплавленный металл, похожий на жидкое солнце, и как дружно ладят сильные, веселые люди со всей этой буйной, суровой красотой.

Работая на заводе, я глубоко почувствовала радость свободного физического труда. Ведь мне не напоминали на каждом шагу, как это делают вашим соотечественницам хозяева фабрик и заводов, что я—женщина, и, значит, представляю собой «низший сорт людей». Мне и в голову тогда не приходило, что возможно на свете такое положение, как в вашей стране, где женщины до сих пор получают за равный с мужчинами труд лишь половину, а в лучшем случае лишь 75 процентов установленной заработной платы. Я не представляла себе тогда, что можно запретить женщине, как это делается в некоторых штатах Америки, заключать трудовые договоры, что можно, посредством специальных законов, препятствовать выдвижению женщин на различные ответственные посты.

В нашей стране всенародно известные женщины — работницы, крестьянки, учительницы, актрисы — участвуют в управлении государством... «мы должны приветствовать растущую общественную активность трудящихся и их выдвижение на руководящие посты, как несомненный признак роста нашей культурности»,—говорит наш великий Сталин. Среди депутатов Верховного Совета СССР—277 женщин. Более 1.700 женщин являются депутатами Верховных Советов союзных и автономных республик. Творческая индивидуальность этих женщин сложилась в мире раскрепощенного труда, и убеждения их так же крепки, как сталь высших марок, производимая на наших заводах!

Как всем советским людям, страна моя дала мне возможность учиться... Помните залы Ленинской библиотеки, которую вы посетили, шелест тысяч страниц, ряды ламп под зелеными абажурами и склоненные над книгами и рукописями русые, темные и светлые головы студентов и студенток?

Вы рассказывали мне, что в клубе Гарвардского университета устроен недавно специальный вход для женщин, что женщины-гинекологи не могут присутствовать на заседаниях Нью-Йоркского гинекологического общества, потому что заседания эти происходят в помещении клуба Иельского университета, куда доступ женщинам воспрещен. Боюсь, подобные факты делают почти невозможным для ваших студенток почувствовать полностью всю красоту и радость познания.

Я не могу и сравнивать: в моей стране свыше 250.000 женщин инженеров и техников находятся на руководящей работе в промышленности и на транспорте. У нас 100.000 женщин-врачей, 766.000 учительниц. Среди нас, советских женщин, 35.000 научных работников, и только за последние пять лет 125 женщин утверждены в степени доктора наук.

Но самое главное — и женщина-академик и простая работница в нашей стране воодушевлены одной великой идеей—служения народу! Помните Зину Федотову, девушку с бледным широким лицом, работницу ленинградской чулочно-трикотажной фабрики «Красное знамя»? Во время войны Зина была в армии, «работала», как она выразилась, минером и помнила, что минер «ошибается только раз». Сейчас она — одна из лучших работниц фабрики, директор сообщил нам, что Зина вырабатывает в смену более 1.000 пар мужских носков, в несколько раз перевыполняя нормы.

Разговаривая с нами, Зина ни на секунду не отрывалась от работы, и на ее прекрасном лице было выражение, которое лучше всего можно описать, перефразируя слова поэта:

«Есть упоение в труде...»

Я читаю ваши газеты и журналы. Недавно в наиболее популярном американском женском журнале «Ледис Хоум Джорнал» широко обсуждался «волнующий» вопрос: «Сколько должна весить девушка — идеал американских студентов?» Большинство «экспертов» сошлось на том, что идеальная девушка должна весить 118 фунтов.

Буржуазные газеты и журналы воспитывают своих читательниц на том, что красота — ходкий товар... Однажды на Риджент-стрит, лондонской улице богачей, в дамской парикмахерской, я встретила женщину лет 35, скромно одетую, с измученным лицом. Женщина сделала модный «перманент», но изысканная прическа мало украсила ее. Однако женщина напряженно и жадно вглядывалась в зеркало, — может быть, она все-таки стала моложе, милей, привлекательней? Я разговорилась с ней. Она сказала мне, что потратила последние шиллинги на прическу в надежде, что модная завивка поможет ей в поисках работы.

— После войны в первую очередь уволили с работы женщин, — тихо произнесла она. Я заметила, что моя собеседница снова бросила тревожный взгляд в зеркало, глаза ее затуманились, углы губ опустились, и на лице появилось выражение безнадежной покорности.

Так вот откуда мне было знакомо это выражение, восхитившее вас на картине Шардена! Так вот эта ваша «красота смирения», «красота» безработной, выброшенной хозяевами на улицу, дошедшей до отчаяния в мире «большого бизнеса и бессовестных лжецов»! Так вот почему, глядя на усталую, поникшую женскую фигуру на полотне, я тогда в музее испытала острое чувство протеста, гневное желание возражать вам!

Но письмо, которое вы мне прислали, удивило и обрадовало меня. В нем прозвучали интонации, которых прежде не было у вас: я ощутила ваш гнев, ваше стремление к борьбе. Письмо ваше дает почувствовать, как в ответ на разгул черной реакции, свирепствующей в вашей стране, — растет протест, укрепляется воля к защите своих прав.

И может быть, теперь вам стало бы понятно то представление о прекрасном, которое неотделимо от вдохновенного служения высокой идее, от самоотверженного подвига в бою и в труде.

Нам, советским женщинам, Родина, над которой реет знамя Ленина — Сталина, дала свою осмысленную и одухотворенную красоту, рожденную в борьбе за народное счастье!

Женщины мира в борьбе за мир

Накануне Международного женского дня корреспондент «Литературной газеты» обратился в Антифашистский комитет советских женщин с просьбой рассказать о борьбе зарубежных женских демократических организаций против мировой реакции.

Комитет поддерживает связь со 161 прогрессивной женской организацией пятидесяти стран мира. Почти все эти организации входят в Международную демократическую федерацию женщин, насчитывающую в своих рядах более 80 миллионов человек.

Мы публикуем несколько фактов из жизни зарубежных женских организаций, сообщенных корреспонденту в Антифашистском комитете советских женщин.

* * *

7 марта в Париже должна состояться демонстрация женщин французской столицы. Разрешение на эту демонстрацию парижанки завоевали в борьбе за свои права.

В конце февраля 1948 года министр внутренних дел Жюль Мок издал приказ о запрещении демонстрации, посвященной Международному женскому дню. Этот приказ вызвал огромную волну протеста французских женщин. В течение четырех дней на площади Бово, где находится министерство внутренних дел, не прекращался поток делегаций работниц заводов, учреждений и домашних хозяек, протестовавших против запрещения демонстрации.

Делегация женщин — представительниц демократических организаций Франции — добилась приема в министерстве внутренних дел, после чего правительство вынуждено было дать согласие на проведение демонстрации.

* * *

Кровь греческих патриотов — на руках банкиров Уолл-стрит.

«Матери Америки! — пишут жены казненных и заключенных борцов за свободу Греции. — Мы хотим, чтобы вы знали правду о нашей драме. Ваши доллары доходят до нас не в виде пшеницы или молока, но в виде танков, самолетов и снарядов, убивающих сынов Греции. Наши села и поля обращены в развалины. Наши матери боятся за своих детей, и демократки боятся наступления ночи, ибо с ней приходят люди, которые врываются в дома, уводят самых дорогих...

Мы сделались второй Испанией, и кто знает, не будут ли охвачены вспыхнувшим здесь огнем сыновья других матерей, города и деревни других стран...»

* * *

«Женщины Ирана! Да падет позор на голову ваших правителей!» — пишут молодые девушки советского Туркменистана, узнав, что иранские реакционеры снова хотят спрятать под чадру женщин новой американской колонии.

Как сообщают из Тегерана, «вслед за декларацией, подписанной 15 видными мусульманскими учеными с требованием вернуться к чадре, многие торговцы отказываются продавать товары женщинам, не носящим чадру. В демократических кругах высказывается предположение, что эта кампания была начата по требованию одной иностранной державы».

* * *

Гневный голос протеста миллионов матерей, жен и сестер против преступных замыслов поджигателей войны служит грозным предостережением зарвавшимся империалистам.

Во Всесоюзном комитете по проведению 100-летия со дня смерти В. Г. Белинского

Вчера в Москве, в помещении Дома ученых, под председательством А. А. Фадеева состоялось первое заседание Всесоюзного комитета по проведению 100-летия со дня смерти великого русского критика, революционного демократа Виссариона Григорьевича Белинского.

Комитет заслушал информационные сообщения о том, как советская общественность намерена ознаменовать памятную дату, исполняющуюся 7 июня нынешнего года.

Член президиума ВЦСПС тов. Е. Г. Шульга рассказал, что в подготовке к этой дате принимают участие 6.800 профессиональных клубов и 5.000 библиотек. Для рабочих, служащих и интеллигенции в клубах и дворцах культуры организуются доклады и лекции, посвященные жизни и творчеству великого критика. В библиотеках устраиваются выставки произведений, писем Белинского и материалов, пропагандирующих его деятельность. Для студенчества и школьников старших классов будут устроены вечера и торжественные заседания памяти В. Г. Белинского.

Начальник Главного управления педагогических вузов Министерства просвещения РСФСР тов. М. Н. Орлов информировал о большой работе, которая будет проведена этим министерством. В Пензе, перед зданием бывшей мужской гимназии, где учился Белинский, решено установить бюст великого критика; в помещении, где Белинский занимался, создается литературный кабинет, материалы которого отразят жизнь и творчество великого критика. Во всех школах, педагогических училищах, институтах и детских внешкольных учреждениях устраиваются доклады, утренники, выставки.

— Во всех комсомольских организациях страны, — сообщил секретарь ЦК ВЛКСМ тов. А. Г. Климов, — состоятся комсомольские собрания с докладами и лекциями о жизни и деятельности В. Г. Белинского. В школах, высших учебных заведениях и клубах пройдут вечера. В комсомольской печати будут публиковаться статьи, посвященные Белинскому.

На заседании выступили также с краткими сообщениями президент Академии наук СССР С. И. Вавилов, президент Академии педагогических наук РСФСР И. А. Каиров, председатель Всероссийского театрального общества народная артистка СССР А. А. Яблочкина, представитель Главного политического управления Вооруженных Сил СССР полковник В. В. Рудницкий, министр высшего образования С. В. Кафтанов, В. В. Мочалов (Славянский комитет СССР), Б. М. Кедров (Институт философии Академии наук СССР), И. С. Галкин (Московский государственный университет).

Затем с сообщением о мероприятиях, намеченных Всесоюзным комитетом по проведению 100-летия со дня смерти В. Г. Белинского, выступил секретарь комитета проф. Н. Ф. Бельчиков. В обсуждении этого вопроса приняли участие товарищи К. Е. Ворошилов, С. И. Вавилов, Н. А. Михайлов, С. В. Кафтанов, Д. Т. Шепилов, М. Т. Иовчук, Н. Л. Бродский, Ф. М. Головенченко и другие.

Решено осуществить ряд изданий произведений В. Г. Белинского и научных работ о нем. Академия наук СССР готовит к печати полное собрание сочинений великого критика в двенадцати томах. Гослитиздат выпустит избранные произведения В. Г. Белинского в трех томах, в издательстве «Молодая гвардия» выйдет однотомник его избранных произведений. Намечено издание массовыми тиражами серии открыток, плакатов и почтовых марок.

На зданиях, связанных с жизнью и деятельностью великого русского критика, будут установлены мемориальные доски. Министерство кинематографии готовит документальный фильм о В. Г. Белинском.

ЗА ИДЕЙНОСТЬ И НАРОДНОСТЬ ИСКУССТВА

КИЕВ. (Наш корр.). Состоялось общегородское собрание писателей столицы Украины, посвященное решению ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели.

С докладом выступил заместитель председателя президиума Союза советских писателей УССР тов. И. Стебун.

Подробно остановившись на историческом значении постановления ЦК ВКП(б) о музыке, докладчик сказал, что оно имеет прямое, непосредственное отношение ко всем видам искусства.

Он привел ряд ярких, убедительных примеров, как в условиях Украины формализм служил своеобразной дымовой завесой для прикрытия украинского буржуазного национализма в литературе. Рецидивы буржуазного национализма нашли отражение в произведениях Ю. Яновского («Живая вода»), И. Сенченко («Его поколение»), молодого поэта Н. Доленко («Целебное зелье») и в стихах М. Рыльского.

Выступления украинских писателей по докладу И. Стебуна были насыщены критикой формалистических тенденций в творчестве некоторых мастеров искусства.

Недостаткам и формалистическим извращениям в работе украинских композиторов Б. Лятошинского, Г. Таранова посвятили свои выступления писатели Я. Городской, Ю. Мартыч, Л. Серпилин, Н. Строковский.

В своей резолюции общегородское собрание писателей Киева горячо приветствует мудрое сталинское решение о музыке и призывает поэтов и драматургов Советской Украины в содружестве с композиторами создать новые произведения, отмеченные печатью высокого мастерства и достойные нашего великого народа.

ПРЕМИРОВАННЫЕ ПЬЕСЫ ДРАМАТУРГОВ УКРАИНЫ

КИЕВ. (Наш корр.). Подведены итоги республиканского конкурса на лучшую современную пьесу.

Вторая премия присуждена поэту Любомиру Дмитерко за пьесу «Генерал Ватутин», в которой ярко раскрыт образ одного из лучших полководцев сталинской школы.

Три третьих премии присуждены киевским драматургам: Ю. Мокрееву, В. Суходольскому и Н. Дубову. Пьеса Ю. Мокреева «Звезды над копрами» посвящена рудокопам Криворожского бассейна, борющимся за выполнение пятилетки в четыре года. В пьесе В. Суходольского «Дальняя Елена» — о горняках Донбасса, новаторах производства — автор раскрывает перед зрителями наше прекрасное завтра.

Пьеса Н. Дубова «У порога» рассказывает о самоотверженном труде советских ученых на благо народа, о благородном моральном облике нашей интеллигенции.

Четыре пьесы: «Живела живка» — А. Левады, «Чем люди живы» — М. Дзюбы и М. Тевелева, «За вторым фронтом» — В. Собко и «Незаконченная песня» — Я. Галана отмечены поощрительными премиями.

На конкурс было представлено 460 пьес.

БОРЦЫ ЗА МИР И ДЕМОКРАТИЮ

Анна Паукер

I.

Самолет не пробился из Бухареста в Москву.

Метель над Карпатами стала белой стеной на пути, закружила в снежном омуте над черными пропастями гор и выбросила самолет на старый партизанский аэродром в лесах Северной Буковины. Отсюда мы добрались на коренастых гуцульских лошадках до села Задубривка и заночевали в хате Марийки Волощук.

— Ну что ж, придется вам уступить ложе министра, — сказала хозяйка дома, внося из сеней охапку свежей соломы.

— Простите, какого министра? У вас уже кто-нибудь ночует?

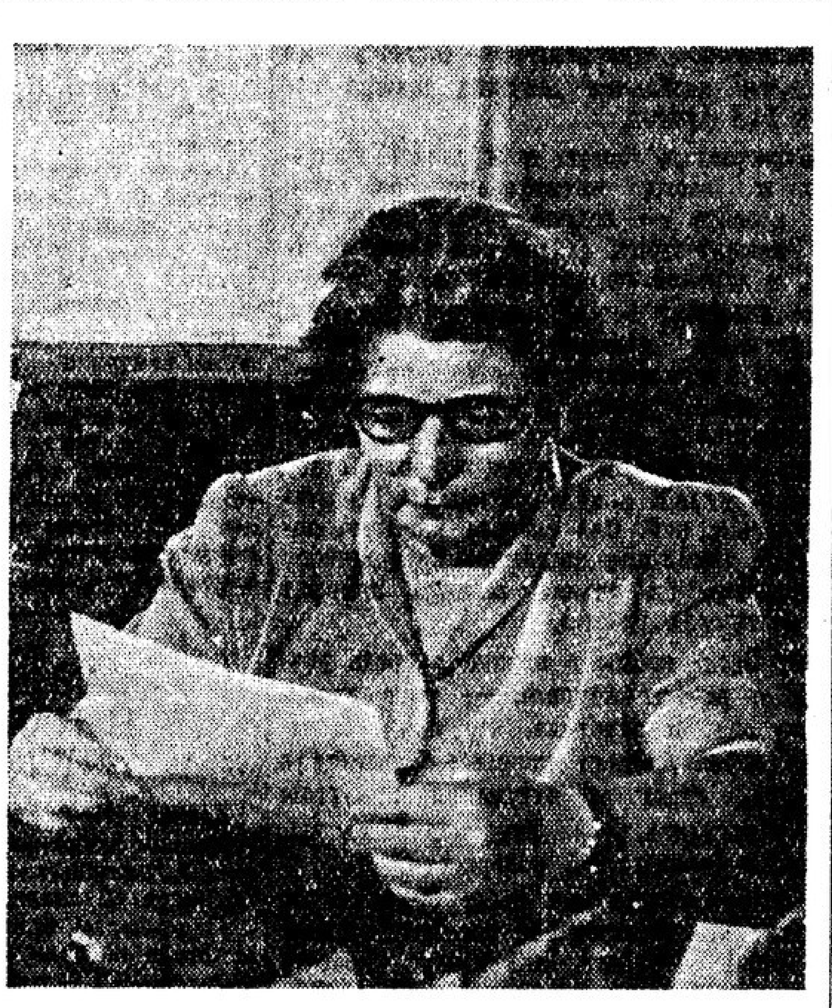
— Министра иностранных дел Румынии.

Хозяйка расстелила солому на деревянных полатях у жарко натопленной лежанки и покрыла ее домотканным крестьянским рядном.

— Тут у нас спала Анна Паукер, — пояснил хозяин мазанки, чтобы рассеять наше недоумение. — Но это было еще в зиму 1924 года.

Воспоминание об этом, видимо, доставляло удовольствие хозяевам хаты, и они сразу же принялись за рассказ.

— В те годы Анна Паукер не могла свободно ходить по дорогам Румынии. Король и сигуранца обещали большую награду за ее голову, и Анке приходилось тайком пробираться от села к селу,—глухими оврагами, вдали от проезжих дорог, кукурузными полями, через леса и снега. Бывало, зима, морозище — из дому на двор страшно выйти, деревню всю сугробами замело, и вдруг ночью стук в оконце: «Хозяева, дайте водицы напиться». Откроем дверь, а это Анна Паукер. Одета была бедно: рваный полушубок, старые валенки в заплатках, крестьянская юбка, лицо наполовину спрятано в большом шерстяном платке. Зайдет, увидит, что в хате посторонних нет, обнимет меня и скажет: «Марийка, быстрее собирай женщин — активисток МОПР'а». А сама валенки сбросит и — к печке, сидит, отогревает замерзшие ноги; посиневшие руки, как ребенок, к огню протягивает и долго молча думает о чем-то, глядя, как гаснут угли... Ну, я полушубок на плечи, мужу скажу, чтобы гостью чаем отогрел, а сама по сугробам—в надежные хаты. Во двор выйду, а там завируха... Поверите, огоньков в хатах, и то не видно, такая метель! Ветер с ног валит, и кабы не лай собак, то и на своей улице заблудиться можно. Как подумаешь, что в такую непогоду Анка пешком из Бухареста к нашему селу путь нашла, — диву даешься. Больше пяти женщин я не собирала, боялась, что сигуранца может заметить сходку. Сойдемся вместе, лампу в хате потушим, у печки рассядемся, а Паукер нам негромко об'ясняет, что делать нужно. Она сама в то время уже немало тюрем изведала. Начнет она рассказывать, как там сигуранца пытает ни в чем не повинных людей, про мучения земляков наших в дофтанской тюрьме, — у женщин слезы на глаза навертываются. Потом мы все разбредемся по соседним селам, чтобы вербовать новых членов МОПР'а и собирать продукты для политзаключенных, сидящих в тюрьмах Румынии. А Паукер, чуть светать начнет, тихо, чтобы не будить никого, из хаты выйдет; муж мой, как услышит, что дверь скрипнула, во двор выбежит, а уже метель в поле и следы ее замела...



II.

Вот жизнь, которой могут позавидовать все учителя Европы! Да, Анна Паукер тоже была учительницей. Она родилась 13 декабря 1897 года, в Румынии, в семье бедного учителя. Чтобы помочь отцу прокормить семью, Анна с 12 лет сама уже давала уроки, а в 17 лет ей удалось получить место учительницы в школе, в одном из рабочих кварталов Бухареста. Здесь началась взаимная учеба: она учила рабочих грамоте, они ее—азбуке революции. Анна часто посещает клуб социал-демократов, становится пропагандисткой, тайно распространяет социалистические газеты среди рабочих Бухареста. За это дирекция изгоняет ее из школы.

В 1920 году 23-летней девушкой Анна Паукер вступила в ряды коммунистической партии. С тех пор все силы она отдает политическому просвещению масс, пробуждению революционного сознания рабочих и крестьян Румынии. То она поднимает на забастовки рабочих Бухареста, то она в центре нефтяной промышленности Плоешти организует новые ячейки компартии, то пробирается по горным селам Трансильвании, изучая настроения крестьян и призывая их к борьбе с помещиками, то в Яссах — древней столице молдавского княжества — выступает на митингах, то расклеивает по ночам листовки в порту Констанце...

В самый тяжелый год — 1924,—когда компартия Румынии вынуждена была уйти в подполье, Анну Паукер избирают секретарем женской секции ЦК компартии; одновременно она продолжает работу в бухарестском партийном комитете и руководит организацией МОПРа Румынии.

Ее несколько раз арестовывают, но друзья помогают бежать из тюрьмы. По решению ЦК, Паукер уезжает за границу. Женева, Париж, Берлин, Прага, Вена—вот города, где Паукер в новом подполье показывает себя, как мужественный и страстный борец за дело коммунизма. Обогащенная опытом революционного движения в других странах, она снова возвращается на нелегальную работу в Румынию.

Летом 1935 года Анну Паукер арестовывают в Бухаресте. Когда ее вместе с восемнадцатью товарищами везли на автомобиле в тюрьму, полицейский агент выстрелил в Анну Паукер. Румынская сигуранца хотела разделаться с Анной Паукер так же, как в свое время немецкие шпики разделались с Розой Люксембург. Но рука убийцы была отведена. Паукер отделалась тяжелым ранением. Жив ли сегодня еще тот верный товарищ, который, рискуя собственной жизнью, бросился в автомобиле на шпика и спас жизнь Паукер?

Волна митингов в защиту Анны Паукер прокатилась от Дворцовой площади в Бухаресте через всю Европу до Стены Коммунаров в Париже. Только тогда король Румынии и его тайные шпики впервые оценили, что́ это была за учительница и сколько приобщенных ею к революции учеников поднимали в знак протеста руки с гневно сжатыми кулаками!

Писатели Бухареста образовали «Комитет защиты Анны Паукер» и взяли шефство над политзаключенными. Комитет ежедневно получал сотни писем со всех концов страны с требованием к правительству освободить из тюрьмы Анну Паукер. Когда сигуранца потребовала от председателя Комитета — адвоката Негруци отказаться от защиты Паукер, пригрозив ему тюрьмой, то народ стал создавать комитеты защиты Негруци.

Король побоялся провести суд в Бухаресте.

Процесс начался 5 июня 1936 года вдали от столицы, на задворках Крайовы. Казармы, куда ночью привезли в тюремной машине Анну Паукер и восемнадцать других революционеров, были оцеплены колючей проволокой. Вокруг здания несли караул воинские части. У входных ворот и на стенах казарм стояли пулеметы. Паукер ввели в зал суда в кандалах. Места для публики заняли фашистские офицеры и агенты сигуранцы — тайной политической полиции.

— Меня может судить только народ,—гордо и мужественно заявила судьям Анна Паукер. — Я горжусь тем, что являюсь представителем революционных масс. Я коммунистка и этого не скрываю. Мы боремся за мир, против реакции и войны!

Процесс над коммунистами Анна Паукер превратила в процесс над буржуазным правительством Румынии. Демократическая газета «Зориле» писала в те дни: «Такого процесса, где адвокаты были удалены из зала при помощи штыков, где обвиняемые избивались на суде в присутствии защиты, представителей печати, родственников, где банды хулиганов в форме буйствовали под покровительством полиции, — такого процесса еще не было».

Весь мир узнал, что Анна Паукер брошена в тюрьму на десять лет. Буря негодования охватила трудящихся Советского Союза, Франции, Болгарии, Бельгии, Югославии, Чехословакии.

Анну Паукер заперли в средневековую тюрьму в Домбровени. Здесь у нее постоянно находили моральную поддержку 84 дочери румынского народа, брошенные в тюрьму за коммунистические и антифашистские взгляды. У нее на руках умерла в камере 26-летняя Донка Симо. В знак протеста против невыносимых условий заключения Паукер организовала голодовку политзаключенных. За это ее заключили в карцер.

Надо было быть революционеркой до мозга костей, чтобы из этого склепа найти способ подать голос на весь мир. Тайно, по ночам, больная и раненая, Анна Паукер вяжет красный шарф и с помощью друзей пересылает его в об'ятый пожаром войны Мадрид, как знак солидарности женщин Румынии с народом Испании. Шарф доходит по адресу, и Долорес Ибаррури отвечает ей взволнованным письмом:

«Дорогой, всеми любимый товарищ! Получила твой подарок. Связанный тобой шарф имеет такой же красный цвет, как наше знамя, как кровь, пролитая миллионами людей во всем мире в борьбе за свободу, как кровь, которой залиты селения моей чудесной страны.

Товарищ Анна Паукер! Твое имя знакомо испанским женщинам. В самых отдаленных селениях нашей прекрасной Испании, на оградах, окружающих имения богачей, на стенах общественных зданий и скромных жилищ огненными буквами горит лозунг: «Спасем Анну Паукер!»

Привет тебе, Анна Паукер! Революционные женщины Испании приветствуют тебя, как прекрасный символ, олицетворяющий румынских женщин».

Затем долгие годы ничего не было слышно о судьбе Анны Паукер. Но однажды делегаткам Франции и Бельгии удалось проникнуть в тюрьму, где в одиночном заточении находилась бесстрашная революционерка. Анна Паукер сказала им тогда слова, заставившие гордо забиться сердца честных людей:

— Наше дело рано или поздно восторжествует. Многие из нас погибнут, но наша идея победит!..

III.

Осенью 1944 года на площади Лаховери в Бухаресте я попал в водоворот стихийно возникшей демонстрации. Толпа ревела, подбрасывая в воздух шляпы и зонты. Тысячи румын провожали на фронт в Трансильванию первый батальон добровольцев. На каждого добровольца приходилось две-три сотни провожающих. Многотысячная толпа так восторженно кричала, словно хотела оглушить эту первую группу бойцов, по призыву компартии повернувших штыки против немцев.

Большинство добровольцев были беженцами из Северной Трансильвании, очень много молодежи — смелой, азартной, решившей вернуться на родину с оружием в руках. Надпись на одном из транспарантов, который несли бойцы, гласила:

«К единому фронту борьбы всех демократических стран против германского фашизма примкнет и Румыния, которая, раздавив общими усилиями фашистского тирана и поработителя народов, завоюет себе национальную независимость, национальное возрождение. **А. Паукер**».

И тут же был ее портрет в красной рамке.

IV.

На процессе в Крайове защитник сказал в перерыве между судебными заседаниями:

— Паукер, вы ошиблись в выборе профессии: вы рождены быть не учительницей-революционеркой, а защитником. Да, да, я бессилен после ваших речей и аргументации. Нет, вы—настоящий дипломат!..

Анна Паукер ответила с усмешкой:

— Мы оба защитники и дипломаты, только вы за деньги можете защищать и преступника-фабриканта, а я бесплатно и только честно — трудящихся людей. Вы защищаете одиночек, а я—весь трудовой народ Румынии от кабалы фабрикантов и помещиков, от войны и фашизма.

...И вот Бухарест спустя двенадцать лет. Массивное здание министерства иностранных дел, где министром Анна Паукер. Несколько сот тысяч граждан Бухареста собралось на митинг у этого здания. Здесь подписан договор о дружбе и взаимопомощи между Болгарией и Румынией. Отсюда теперь новый министр иностранных дел протягивает руку крепнущей дружбы Югославии, Венгрии, Чехословакии, Польше, здесь от имени Народной республики принимает послов многих стран земного шара.

Четверть века назад Анна Паукер начинала в селе Задубривка борьбу за свободную и демократическую Румынию вместе с пятью неграмотными крестьянками... Теперь у нее в Народной республике тысячи и тысячи друзей и помощников. Власть перешла в руки народа, того самого народа, с которым еще в глухом подполье, будучи девушкой Анкой, она сдружилась на тайных сходках в рабочих трущобах и в селах, с которым шла в тюрьмы и на каторгу во имя единственной на земле правды трудового люда. Эта всепобеждающая правда остается и нынче ее главным оружием — первой в мире женщины-министра иностранных дел.

Вступая на этот пост, Анна Паукер заявила:

— Отношения тесной дружбы с Советским Союзом являются основой всей внешней политики румынского демократического государства, политики мира и национальной независимости.

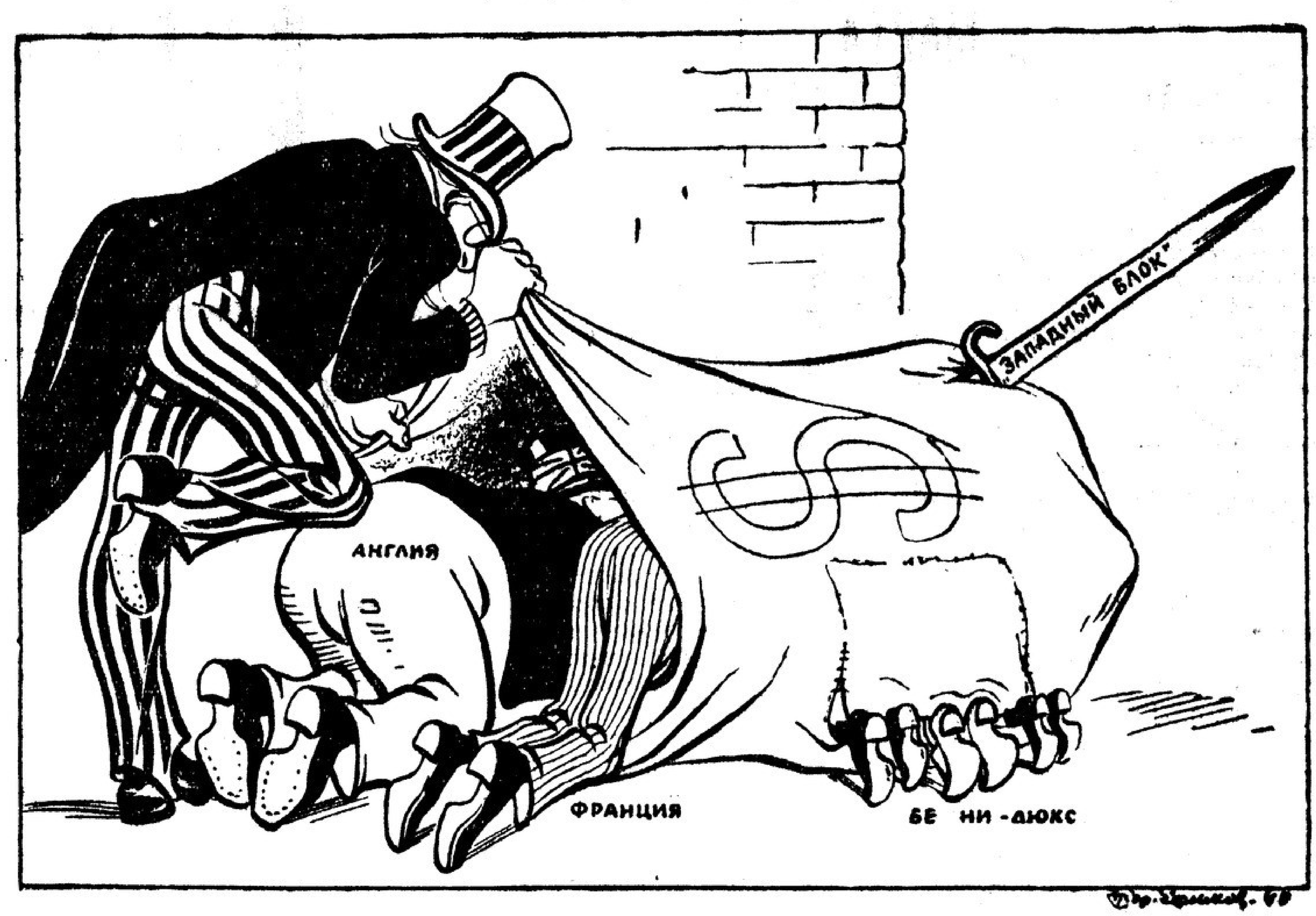
На посту министра Анна Паукер борется за мир и демократию, разоблачая поджигателей войны.

Александр ГУТОРОВИЧ

О ЧЕМ ОНИ СЕКРЕТНИЧАЮТ?

(К лондонскому «совещанию трех держав»)

Рис. Бор. ЕФИМОВА.



АНТИСОВЕТСКОЕ ШИЛО В ЛОНДОНСКОМ МЕШКЕ...

Юрий ЖУКОВ

Их мораль

Из записной книжки корреспондента

В первой статье * я писал главным образом о женской преступности потому, что подобные факты наиболее рельефно отражают всю глубину морального падения значительной части американской молодежи. Однако надо напомнить, что женская преступность—лишь одна из сторон той неприглядной картины общего падения нравов, какая столь характерна для сегодняшней Америки.

Даже Эдгар Гувер, руководитель американской охранки, вынужден был осенью прошлого года признать, что в США наблюдается неуклонный упадок нравов. По его словам, за первые шесть месяцев 1947 года преступность в Соединенных Штатах возросла на 20 процентов по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года. «За полгода количество случаев ареста мужчин увеличилось на 20,5 процента и количество случаев ареста женщин на 15,7 процента, — заявил Гувер. — 41 процент всех арестов производится за серьезные преступления. Возраст, в котором наиболее часто совершаются преступления, — 21 год».

Это заключение руководителя американской охранки отнюдь не является неожиданным для тех, кто хоть сколько-нибудь знаком с жизнью и бытом США. Оно отражает определенную закономерность. Но у некоторых читателей может возникнуть вопрос: почему правящие классы США, американские государственные деятели, наконец, американская пресса констатируют подобные факты с таким откровенным и поразительным бесстрастием? Почему они не бьют тревогу? Ведь такие явления представляют собой определенную угрозу собственникам, трясущимся над своими капиталами, над своим имуществом?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, следует мысленно перенестись на два десятилетия назад, в ту эпоху, когда немецкие претенденты на мировое господство готовились развязать вторую мировую войну. Вспомним, что говорил Адольф Гитлер своему наперснику Раушнингу по поводу того, какой он хочет видеть германскую молодежь.

— Образование только испортит мою молодежь.—сказал он. — Мне нужны люди с крепким кулаком, которых не останавливают принципы, когда надо укокошить кого-нибудь. И если они сопрут при случае часы или драгоценности — плевать мне на это. Я хочу, чтобы молодежь обладала силой молодых хищников...

Я далек от мысли проводить прямые аналогии между этими рассуждениями кровавого «фюрера» и тем, что происходит сейчас в Соединенных Штатах. Американская реакция не может слепо копировать гитлеровскую систему воспитания подрастающего поколения хотя бы потому, что весь уклад жизни в США иной, нежели в Германии. Но не забудем, однако, и того, что Ку-Клукс-Клан существовал еще тогда, когда Гитлера и в помине не было, что негров линчуют вот уже сто лет и что гангстерство в определенных кругах американцев рассматривается, как проявление доблести и мужества.

Гитлер муштровал кадры будущих эсэсовцев казарменными методами. Американская реакция вносит в дрессировку своих головорезов элемент пресловутого «духа частного предпринимательства». Методы разные, но существо то же...

Эдгар Гувер и его коллеги, конечно, отдают себе отчет в том, что рост преступности в США является известной угрозой собственникам и их имуществу. При желании было бы не так уж трудно весьма действенно бороться с этим явлением — американская государственная машина обладает для этого достаточными средствами принуждения. Но реакционные правящие круги, исходя из политики дальнего прицела, предпочитают сегодня идти на некоторые издержки, чтобы завтра получить в свое распоряжение «людей с крепким кулаком, которых не останавливают принципы, когда надо укокошить кого-нибудь»...

Вот почему ряд американских государственных деятелей и немалая часть печати так бесстрастно констатируют непрекращающийся рост преступности в США. Вот почему на экраны выходят сотни фильмов, воспевающих убийц и подстрекающих к убийству. Вот почему из радиоприемников непрерывно доносятся выстрелы и отвратительные хрипы, натуралистически воспроизводящие агонию задушенных. Вот почему газеты надрываются от крика, оглушая своих читателей сенсационными аншлагами вроде: «Убила сына трех лет! Утверждает, что чувствовала острую потребность в убийстве!»

Осенью 1947 года вся Америка говорила о двух страшных преступлениях, совершенных школьниками. 12-летний Говард Ланг из Чикаго зарезал своего приятеля, 7-летнего Лони Феликa. 14-летний Фред Шмигельский из города Гаррисон задушил 10-летнего Джеки Престона, своего двоюродного брата. Газеты посвящали целые полосы описанию этих преступлений. С отвратительным цинизмом они смаковали все подробности.

«Говард Ланг рассказал полиции, что он два раза ударил Лони Феликa ножом— один раз в грудь, другой раз в спину»,— повествовало агентство Юнайтед Пресс.

«Фред Шмигельский избивал Джеки кулаками, — писал специальный корреспондент газеты «Уорлд телеграмм»; — Джеки начал сопротивляться. Они оба упали на землю. По словам Шмигельского, эта звериная схватка заняла довольно долгое время. Наконец, Фред уперся коленями в живот Джеки и задушил его. После этого он куском стекла изрезал все лицо и грудь своей жертвы»...

Я должен принести читателям извинение за то, что привожу здесь эти отвратительные цитаты, но без них трудно представить себе тот страшный, отравленный, опустошенный мир, в котором растет молодое поколение Америки и который порождает подобные преступления. Не нужно быть особенно проницательным человеком, чтобы увидеть, ради чего бессовестные американские репортеры с таким смакованием описывают эти гнусные преступления, — их писания призваны сыграть свою «воспитательную» роль; они рассчитаны на то, что найдутся охотники повторить подобные поступки — пресловутые «обладающие силой и красотой молодые хищники».

Но кто эти подростки, совершившие столь страшные убийства? Может быть, это просто выродки, патологические личности? Нет, тем и характерны эти две истории, что их «героями» явились самые обыкновенные, рядовые американские мальчики. Все соседи, знавшие Шмигельского, заявили полицейским властям, что они «никогда бы не думали, что мальчик Фред способен на подобное преступление». Говард Ланг также производил на всех впечатление нормального мальчика. Оба убийцы подверглись изучению психиатров. Врачи не установили никаких отклонений от нормы.

Что же толкнуло этих подростков на зверские убийства?

В своих показаниях Фред Шмигельский заявил, что главной причиной, толкнувшей его на преступление, было... неодолимое стремление доказать людям, что он не «мямля» и не неженка. Говоря о решении убить двоюродного брата и о самом убийстве, он сказал, что «идеи эти он усвоил из кинокартин и радиопередач, посвященных преступлениям». Кино и радио настолько отравили сознание этого подростка, что, готовясь к преступлению, он действовал совершенно хладнокровно и невозмутимо, словно речь шла об обычной игре.

Своего двоюродного брата Фред избрал жертвой потому, что, по его словам, «это был болезненный мальчик и его легко было убить». В соответствии со стандартами фильмов из жизни бандитов он заранее составил письмо родителям Джека, в котором предлагал им прислать выкуп в тысячу долларов, угрожая в противном случае его убить.

Когда же дело дошло до свершения задуманного плана, этот подросток начал действовать в полном соответствии с традиционными гангстерскими канонами, которые американские дети быстро усваивают, читая детективные романы, смотря фильмы о гангстерах и слушая радиопередачи об убийствах.

Примерно так же сложилась история второго преступления, преступления Говарда Ланга, который зарезал своего 7-летнего приятеля. И эта трагедия целиком укладывается в рамки стандартной детективной истории.

Из приведенных фактов становится совершенно ясным, что растленная американская пропаганда делает сейчас все для осуществления той же задачи, какую ставил перед собой Гитлер,—вырастить племя хищников, лишенных всяких принципов и способных убивать любых людей и в любом количестве, если это выгодно.

Только в одной газете, в «ПМ», я прочел в эти дни трезвую статью, которая называлась «14-летние убийцы». Ее автор попытался с позиций буржуазного либерала разобраться в том, какие же социальные причины породили преступление Шмигельского.

«Даже в нашем кошмарном мире, где самые дикие ужасы кажутся чем-то нормальным, зверское убийство 10-летнего мальчика 14-летним не может не вызвать содрогания,—так начиналась эта статья.— Это одно из самых уничтожающих обвинений против нашей цивилизации.

...Вся наша цивилизация — насилие одного над другим. Мы не считаем кинокартину хорошей, если там нет нескольких смертей. Этим духом пропитаны и наши радиопрограммы с их гангстерскими историями, и наши журналы, и наши юмористические приложения к газетам. Наше деляческое мышление отбрасывает самым грубым образом все то, что себя не окупает. Вся наша культура делает ставку на человека, способного захватить власть над другим человеком. Мы не можем отмежеваться от Фреда Шмигельского, ведь мы его сами создали».

Газета «ПМ» не пошла дальше констатации этого факта, да и трудно было бы ожидать от нее большего. Но что должно быть сделано для предотвращения таких преступлений? На этот вопрос «либеральная» газета не дала ответа.

Я разговаривал со многими американцами о том падении нравов, которым отмечены послевоенные годы в Соединенных Штатах. Они все возмущались фактами, которые я приводил, и, в свою очередь, рассказывали о других фактах — не менее жутких и отвратительных. И так же, как эта газета, они не находили ответа на вопрос: что же должно быть сделано для того, чтобы предотвратить нравственное вырождение и одичание подрастающего поколения в Соединенных Штатах?

Один видный американский писатель взволнованно сказал мне:

— Я разбил в щепы мой радиоприемник, когда увидел, с каким странным выражением лица мой мальчик слушал детективную радиопередачу.

Я спросил:

— И вы уверены, что это спасет вашего сына?

Он ничего не ответил, нахмурился и махнул рукой.

Сто лет назад авторы «Коммунистического манифеста», отзываясь с гневным сарказмом о буржуазных разглагольствованиях «о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми» и о «высокоморальном ужасе» буржуа, наглядно показывали, как аморален по самой природе своей общественный строй, где все покоится на наживе. Нет и не может быть твердых моральных устоев в обществе, в котором, как сказано в «Коммунистическом манифесте», меняют «верность, любовь, честь на барыш от торговли овечьей шерстью, свекловицей и ведбой».

Эти обличительные слова с новой силой звучат сегодня, когда жадные до наживы поборники идеи мирового господства делают все для того, чтобы освободить подрастающее поколение американцев от остатков стыда, совести и чести.

* См. «Литературную газету» № 17 от 28 февраля 1948 г.

Факты без комментариев

НРАВЫ НИЖЕ НУЛЯ

В связи с нехваткой топлива в Токио жители японской столицы по ночам растаскивают с городских кладбищ деревянные надгробные указатели и памятники. Американские власти установили на кладбищах множество вывесок, предупреждающих о том, что бог покарает воров. В течение одной ночи все эти вывески также исчезли —они были сделаны из дерева.

ЩЕДРОСТЬ МИСТЕРА БЕВИНА

Как сообщает газета «Ньюс кроникл», английское правительство продолжает до сих пор выплачивать весьма значительные суммы в виде «пенсии» находящимся в эмиграции руководителям так называемой «армии Андерса». Так, например, вице-маршал авиации Изуцкий получает свыше тысячи фунтов в год. Еще большая сумма до сих пор выплачивается и самому Андерсу.

КОМИТЕТ ПОМОЩИ ПЕТЭНУ

В США существует комитет, ставящий своей целью освобождение предателя Петэна. Его активными членами являются Ванденберг и Тафт. Деятельность комитета состоит в сборе средств для «страдальца-узника» и подписей под требованием о его освобождении. Лист с собранными подписями будет привезен во Францию. На самого Петэна такая забота оказывает благотворное воздействие. По сообщению газет, он заметно прибавил в весе.

ДЕКАДА ЛИТОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Четвертого марта в Центральном доме литераторов литовские писатели встретились с литературной общественностью столицы.

Вечер открыл А. Фадеев.

После выступлений писателей и поэтов Литвы и Москвы состоялся большой концерт с участием Государственного народного ансамбля литовской песни и танца под руководством И. Швядаса.

В тот же день в Центральном доме литераторов открылась выставка литовской книги.

На снимке: группа поэтов, участников декады литовской литературы. Справа налево: И. Шимкус, А. Венцлова-Жукаускас, В. Миколайтис-Путинас, В. Реймерис и И. Довидайтис.

В. ЛУГОВСКОЙ

ВЕЛИКОЕ БРАТСТВО

Советская жизнь неизмеримо расширила и углубила тематику литовской поэзии. Пламенные патриоты родной Литвы, ее поэты вдохнули освободительный ветер необ'ятных пространств страны-исполина. Они вошли в новую жизнь, зовущую к победам, где каждый день — день творчества. Их поэзия стала высокоидейной, целеустремленной. Благородная гордость гражданина Советского Союза составляет живительный источник новой литовской поэзии.

Это особенно наглядно видно в сборнике «Поэты Советской Литвы». Здесь собраны стихи семнадцати поэтов. Часть стихов написана в 1907, 1910, 1927 годах. Это стихи поэтов старшего поколения: Людаса Гиры, Миколайтис-Путинаса.

Хорошие стихи, ставшие классическими в литовской поэзии, но авторы их не поднимались выше общих проблем прогрессивно-демократической лирики, а иногда уходили в область интимной лирики, «чистого искусства».

Но вот Литва стала советской, и в стихах тех же поэтов зазвучали боевые мотивы борьбы за лучшие идеалы человечества. Укрепилось и выросло все, что было передовым в их творчестве. Поэты Литвы заговорили во всю силу таланта, впервые не для узкого круга любителей поэзии, а для всего освобожденного народа Литвы.

Вдохновенны строки Саломеи Нерис:

Нас греет сталинское пламя,
Открыл ворота к солнцу он!
Земля с цветущими полями
Кладет ему земной поклон.
(«Поэма о Сталине»).

Лучшие стихи сборника—«Слово борьбы» Л. Гиры, «На Красной площади» А. Венцлова, «Сталинское солнце» В. Вальсюнене, «Время» Э. Межелайтиса—говорят о Сталине. От имени литовской молодежи обращается к вождю молодой поэт-фронтовик Вацис Реймерис:

Вновь сердца пылают жаждой мести,
И по зову Сталина: «Вперед!»
Верная заветам древней чести,
Молодежь литовская идет.

Семье советских народов посвящает проникновенные стихи старый поэт Миколайтис-Путинас. Мы читаем стихи Нерис, Корсакаса и в них видим то же чувство благодарности литовского народа; оно так прекрасно выражено Людасом Гира в словах, с которыми он обращается к своей республике:

Под кремлевской звездой путеводною
Ты в советское братство вошла.

Мысль о нерасрывной органической связи литовцев с другими советскими народами, как бы цементирует всю книгу. Она пронизывает собой и лирические «Травы Подмосковья» Л. Гиры, выражается в глубоком философском раздумье «Моего пути» В. Миколайтис-Путинаса.

В те дни, когда немецкие орды топтали литовскую землю, кремлевская звезда вдохновляла народы в их освободительной борьбе, и поэты Литвы шли за нею в рядах Советской Армии.

В оккупированной Литве был расстрелян талантливый, непримиримый поэт-антифашист В. Монтвила. В лагерь смерти были брошены Б. Сруога и Т. Тильвитис.

Мы сказали бы, что стихи о Великой Отечественной войне — наиболее волнующие в книге. Чувство любви к советской Родине, к народу в них звучит с особой силой. Во всей ее красоте встает перед нами в этих стихах литовская земля с ее задушевными песнями-дайнами, с ее медлительными реками, дремотными лесами, с утраченным счастьем только что обретенной свободы.

Л. Гира посвящает стихи почти каждой реке, каждому углу родной земли, освобождаемой от немцев Советской Армией.

Необыкновенно сильно звучит маленькая поэма С. Нерис о Герое Советского Союза Марите.

Не унести в котомке за плечами
Очаг родимый, неба синеву.
И мы ушли с тяжелыми сердцами,
Но поклялись отвоевать Литву, —

говорит молодой поэт В. Мозурюнас в стихотворении «Горсть земли». Маленькую чудесную страну с ее задумчивыми озерами, ее Неманом, старинным Вильнюсом, балтийскими дюнами, вековечными народными песнями помог спасти старший брат семьи советских народов — великий русский народ.

Восхищение русским народом, любовь к нему ярко выражены в книге.

Русские! Лишь вас не устрашил он,
Дымом дышащий дракон войны,
Только вам его сразить по силам,
Только вы чудовищу страшны!..
(С. Нерис — «Степь»).

С особенной силой звучат стихи о русском народе, его передовой культуре, о Пушкине и Горьком.

Не все в книге равноценно.

Если темы советской Родины, братства народов, лирика родного края удачно представлены в сборнике, то тема восстановления получила в нем крайне скудное отражение. Жизнь города дана также скупо, а индустриальная тема почти отсутствует. Слишком много и часто прибегают поэты, обращаясь к темам сегодняшней жизни, к декларациям, к полусимволическим аксессуарам вроде «горнов», «кузниц», «молотов», «пашен», «плугов».

Много пережил в дни войны литовский народ и вышел из нее духовно выросшим, закаленным. Он требует от своих поэтов высокой идейности. Народ зовет поэта:

В простор огромный радостных времен,
Где, словно солнце, светит век
грядущий,
Из мощных пятилетий сотворен.
И Сталин этот мир, в труде растущий,
Тебе показывает наяву,
И пред собой ты видишь сад цветущий
И в нем чудесный островок—Литву.
(А. Венцлова—«Вдохновение»).

Отдельные переводы недоработаны, но в основном коллектив переводчиков со своей большой задачей справился удовлетворительно. Особенно нужно отметить как всегда прекрасные переводы С. Маршака, хорошие переводы С. Мар, М. Зенкевича, В. Державина, В. Звягинцевой, М. Петровых, Н. Шубина, И. Сельвинского. Содержательна вступительная статья А. Деева.

Русский читатель получил хорошую книгу, дающую ему возможность основательно познакомиться с творчеством советских литовских поэтов.

«Поэты Советской Литвы». Гослитиздат. Москва. 1948, 384 стр.

Рассказы Петраса Цвирки

Безвременно умерший талантливый литовский писатель Цвирка оставил нам книгу стихов, три романа и несколько сборников новелл. В новеллах он проявил особенное мастерство. Шесть рассказов, включенных в сборник «Огонька» (под редакцией З. Шишовой), удачно знакомят нас с его излюбленными темами и творческой манерой.

Все они посвящены литовской деревне. Цвирка вышел из демократических низов (сын крестьянина Каунасского уезда) и никогда не отрывался от них. Выразительными штрихами П. Цвирка рисует путь литовского крестьянина на протяжении последних десятилетий. Автор вскрывает острые социальные противоречия в деревне (рассказы «Отец», «Песня»), разоблачает лживость литовской буржуазной «земельной реформы» («Дубок»). Картины крестьянских «хождений по мукам» завершаются в сборнике рассказами о новой жизни: подлинное освобождение и человеческие права принесет литовскому крестьянину советская власть («Депутат»). Цвирка великолепно знал крестьянский быт и крестьянские характеры, он любил своего героя — неустанного труженика земли, но он не идеализировал его. Старый крестьянин Иокубас в рассказе «Песня» обременен предрассудками, легко поддается враждебным влияниям; он не сразу приходит к признанию новой жизни, к примирению со своими сыновьями, добытчиками труда на новых началах.

П. Цвирка обладал тонкой наблюдательностью и юмором. Яркая и свежая, порою неожиданная лепка деталей придает его рассказам большую психологическую выразительность и теплоту.

Еще задолго до вхождения Литвы в Союз Советских Республик Петрас Цвирка бывал в нашей стране, дружил с советской литературой, со многими советскими писателями. Советские читатели и раньше знакомились с его творчеством — роман «Земля-кормилица» и книги рассказов Цвирки появлялись в переводах на русский язык. Но впервые знакомство наших читателей с Цвиркой осуществляется так широко — книга выпущена тиражом в 150.000 экз. Советские читатели еще больше полюбят Петраса Цвирку — одного из выдающихся представителей советской литовской литературы.

С. ЕВГЕНОВ

Петрас Цвирка. Рассказы. Перевод с литовского. Библиотека «Огонька», № 48, 1947 г.

Против неверного истолкования романа „Война и мир“

Т. МОТЫЛЕВА

С великой гордостью читают и перечитывают советские люди гениальное творение русской литературы — «Войну и мир» Л. Н. Толстого. Этот роман — крупнейший вклад русского народа в мировую культуру. Ни одному из писателей мира до Толстого не удалось так охватить в одном произведении жизнь целого народа, целой страны в один из поворотных моментов национальной истории. Никому из писателей мира до Толстого не удалось с такой силой показать героизм народных масс, их преданность родной земле, решающую роль этих масс в справедливой национально-освободительной войне. Ни одному художнику до Толстого не удалось так сочетать трезвый реализм в изображении общественной жизни с высокой нравственной чистотой, поэтичностью видения мира, сочетать широту эпического размаха с невиданной глубиной проникновения в душевную жизнь людей, изумительное мастерство детали — с острой постановкой самых больших, насущных вопросов жизни страны. Все это поставило «Войну и мир» на одно из первых мест среди шедевров мирового искусства. И не удивительно, что гениальная патриотическая эпопея Толстого оказала громадное влияние на дальнейшее развитие реалистического романа во всем мире.

«Война и мир»—одно из любимых произведений советского юношества. Изучение его в школе имеет важнейшее воспитательное значение: оно оставляет след в сознании учащихся на всю жизнь.

Учебник по литературе для 9-го класса средней школы А. Зерчанинова, Д. Райхина, В. Стражева — содержательное и интересное школьное пособие по литературе. В главе о Толстом, написанной А. Зерчаниновым, «Войне и миру» уделено много места. Но та трактовка «Войны и мира», которая дана в учебнике, вызывает серьезные возражения.

А. Зерчанинов обстоятельно цитирует известные ленинские строки о «кричащих противоречиях» в произведениях и взглядах Толстого и добавляет: «В свете этих противоречий мы и должны рассматривать творчество великого писателя». Однако в конкретном анализе важнейших произведений Толстого, и в особенности «Войны и мира», эта авторская декларация реализуется очень слабо, а местами и вовсе не реализуется. В учебнике мало раскрыты противоречия толстовского мировоззрения, а главное, — их отражение в художественном творчестве писателя.

На примере «Войны и мира» нетрудно убедиться в том, что никак нельзя механически отрывать Толстого-художника от Толстого-моралиста. Противоречия мировоззрения Толстого глубоко проникают в образную ткань романа.

В учебнике же характеристика «Войны и мира» носит, по преимуществу, описательный, об'ективистский характер. Очень бегло, суммарно, мелким шрифтом (как материал для «необязательного» чтения) дана критика толстовской философии истории. А характеристика романа в целом не помогает учащимся ориентироваться—где же проявилась могучая сила Толстого и где его слабость, где и в чем побеждает у Толстого реалистическая правда, раскрытая с позиций угнетенного народа, а где эта правда подавляется реакционной философией, проявляется половинчато, непоследовательно.

Если даже оставить в стороне вторую часть эпилога и все историко-философские отступления Толстого, в самой художественной структуре эпопеи содержатся поистине кричащие противоречия.

В самом деле. Громадная стихийная сила патриотического чувства, выражение беспощадной ненависти к врагу — и явственные пацифистские нотки; беспокойные мысли Пьера о тяжком положении крепостных рабов — и картины идиллических взаимоотношений бар с крепостными в доме и имении Ростовых; вдохновенные, гордые строки о «дубине народной войны» — и апофеоз смирения в образе Платона Каратаева; трезвый анализ реальных жизненных факторов, движущих поведением людей от придворного до солдата, — и настойчивое утверждение абстрактных, «вечных» начал религии и нравственности.

Наименее удовлетворительным необходимо признать то, что говорится в учебнике о Платоне Каратаеве. Здесь А. Зерчанинов ограничивается чисто описательной характеристикой, вдобавок составленной в довольно сочувственных тонах. Он говорит, что в Каратаеве отразились черты патриархального русского крестьянина того времени. Но ведь этот образ рисует патриархального крестьянина в совершенно неверном аспекте. Русское крестьянство и до 1812 года имело за собой немалую историю активной борьбы против крепостного права. В Платоне Каратаеве воплотились преимущественно слабые стороны патриархального крестьянства, рабские черты, привитые ему веками гнета. В целом же этот образ подсказан не жизнью, а ложной философской концепцией Толстого. Именно эта философия заставила художника возвести косность и пассивность в идеал, вопреки логике действительности. И на примере Платона Каратаева можно (и весьма поучительно) проследить, как поруганная художественная правда отомстила за себя.

В самом деле. Из всех 559 действующих лиц «Войны и мира» Платон Каратаев, быть может, наименее жизненная фигура. На каждом шагу чувствуется в нем дидактическая преднамеренность. Даже речь его, слишком обильно уснащенная пословицами, носит отпечаток нарочитости, стилизации.

Каратаев — давнишний, профессиональный солдат. Но можем ли мы представить себе его на поле боя? Можем ли мы представить себе армию, состоящую из таких солдат? Могла ли бы победить Наполеона армия, состоящая из кротких, незлобивых Платонов? А ведь в «Войне и мире» с гениальной художественной убедительностью показано, что победа над Наполеоном была делом рук не только войска, но и всей народной, в частности крестьянской, массы. Уже одно это показывает, насколько далек Платон Каратаев от того, чтобы быть типическим образом русского солдата, русского крестьянина, и насколько несостоятельна та философия, которую вложил Толстой в этот образ.

А. Зерчанинов, оставляя почти без критики образ Каратаева и его философию, в то же время категорически утверждает, что Толстой был неправ в изображении Наполеона. Такая категоричность вряд ли уместна. Сатирический аспект изображения Наполеона, как иноземного завоевателя, задавшегося нелепой мыслью поработить Россию, соответствует общему замыслу патриотической эпопеи. В этом образе ярко проявилась замечательная бичующая сила толстовского сарказма, идущего вразрез с толстовской моралью всепрощения.

В высшей степени противоречив в романе образ Кутузова. Толстой проникновенно раскрыл душевное обаяние, беззаветную преданность родине великого русского полководца, его горячую ненависть к врагу, его внутреннюю близость к солдатской массе, к народу, проницательность и трезвость в оценке событий войны, что особенно проявилось на Бородинском поле и на совете в Филях. Но в то же время образ Кутузова в романе отягощен и другими чертами, идущими от толстовской философии истории, от воспринятых Толстым реакционных предрассудков, свойственных патриархально-крестьянскому мышлению. «Кутузов презирал и знание и ум и знал что-то другое, что должно было решить дело, — что-то другое, независимое от ума и знания...» Так говорит Толстой. Но история говорит нам другое. Кутузов победил Наполеона именно знанием, умом, волей, инициативой, полководческим умением — теми качествами, значение которых отрицается философией истории Толстого.

Несомненно, что образ Кутузова, созданный Толстым, имеет большое художественное значение именно потому, что художественная логика этого образа во многом опровергает ложную философию, которой руководствовался его создатель. Ярче, правдивее всего дан Кутузов именно на тех страницах эпопеи, где мы видим его в роли народного полководца, умеющего не только улавливать настроение массы, но и руководить ею.

В учебнике образ Кутузова трактуется апологетически и вместе с тем об'ективистски. А. Зерчанинов даже не делает попытки раз'яснить советскому юношеству, прав или не прав Толстой в своем взгляде на роль личности в истории, на роль полководца в войне. Он пишет: «Кутузов в изображении Толстого — носитель той же народной мудрости, того же народного духа, тех же чувств, что и крестьянин-солдат Платон Каратаев и весь народ. Основу этой мудрости составляет сознание, что творцом истории, исторических событий является народ, а не отдельные личности (герои), и что всякие рационалистически построенные теории, как бы хороши они ни казались, — ничто перед той силой, которой является настроение, дух массы».

Так автор учебника безоговорочно приемлет всю эту фаталистическую «народную мудрость» и при этом еще слегка приукрашивает ее. Ведь, согласно исторической концепции Толстого, народ является не столько «творцом истории», сколько пассивным об'ектом исторической необходимости. Там же, где у Толстого показана активность солдатской массы (и полководческая активность Кутузова, возглавляющего эту массу), это делается вопреки реакционным чертам философии Толстого, в противоречии с ними.

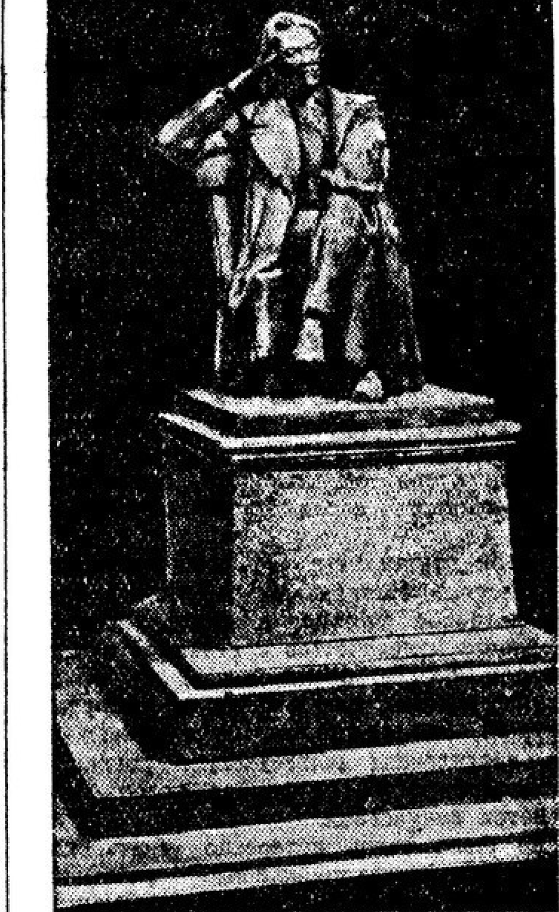
Следует коснуться и вопроса о «разных теоретиках-генералах» у Толстого. И здесь — сложное переплетение правды и отступлений от нее. В сатирическом изображении самодовольно-тупых военных теоретиков типа Пфуля проявилась реалистическая толстовская критика царизма, который раболепствовал перед иностранщиной, доверял судьбы русских войск импортированным из-за границы бездарностям. Но справедливо высмеивая педантизм и абстрактность мышления, присущие подобного рода военным «деятелям», Толстой в то же время вовсе отрицал роль сознания, предвидения, плана, расчета в руководстве военными операциями. «Только бессознательная деятельность приносит плоды...» — утверждал он. Этот глубоко ложный тезис необходимо было подвергнуть критике. В учебнике этого не сделано.

Некритически подойдя к слабым сторонам «Войны и мира», отразившим в себе вредную философию пассивности и непротивления, А. Зерчанинов в то же время не сумел раскрыть всю трезвость, всю смелость реализма Толстого—то, что составляет силу его эпопеи.

Очень плоско и обедненно трактуется в учебнике толстовское понимание патриотизма. «Чувство патриотизма, охватившее русских при вступлении врага в пределы страны, об'единило, — показывает Толстой, — различные слои общества в одно монолитное целое». Это не так. Толстой неизмеримо возвышается над легендой о «монолитно целом», созданной реакционной официальной историографией. Недаром Ленин обвинял в лицемерии тех реакционных публицистов царской России, которые отыскивали у Толстого «патриотизм» в казенном смысле слова. Разве входят у Толстого в «одно монолитное целое» Жюли Друбецкая, или князь Василий, или завсегдатаи салона Аннеты Шерер? Возвеличение патриотизма народных масс и лучших людей из среды дворянства сочетается у Толстого с беспощадным, резким обличением ложного патриотизма придворной верхушки.

Глубокая, органическая народность творчества Л. Н. Толстого сказалась в «Войне и мире» не только в сатирическом изображении правящих кругов, не только в раскрытии патриотической активности народной крестьянско-солдатской массы. Она сказалась во всей художественной концепции романа, в широкой постановке важнейших проблем общественной жизни России.

Ленин особо ценил в Толстом его «бурный протест против всякого классового господства». Этот протест намечается уже в «Войне и мире». Патриотический пафос «Войны и мира» неотделим от его демократической основы. И, в конечном счете, Толстой — реалист и протестант одерживает победу над Толстым — религиозным философом. Именно этим определяется всемирное, непреходящее значение «Войны и мира», великая жизненная сила и правда этого произведения, не имеющего себе равных в мировой литературе.



Проект памятника Вячеславу Яковлевичу Шишкову (скульптор И. А. Рабинович), утвержденный Комитетом по делам искусств при Совете Министров СССР. По решению правительства памятник должен быть установлен на родине писателя в г. Бежецке.

Вл. БАХМЕТЬЕВ

Вместе с народом

Памяти В. Я. Шишкова

Три года назад умер один из виднейших советских писателей Вячеслав Яковлевич Шишков.

Еще до начала своей литературной деятельности В. Я. Шишков много лет работал по обследованию и строительству путей сообщения в Сибири. Писатель был тесно связан с самыми различными людьми из народа. Многолетнее общение с простыми людьми помогло ему широко и полно познать народную жизнь.

Первые рассказы В. Шишкова появились в 1913 году. Но по-настоящему развернулась его творческая деятельность после революции.

«Профессионалом-писателем я стал после великого Октябрьского переворота, когда почувствовал и осознал я себя полноправным членом и работником нового, молодого советского общества, — писал В. Шишков, оглядывая свой многолетний писательский путь. — С волнением всматриваясь в небывалые события народной жизни, я работал с особым рвением, будучи настроен бодро и радостно. И я никогда, ни на один день не представлял себе свои личные радости и горести, тем более писательскую свою судьбу — вне судьбы народа».

После 1917 года литературная работа В. Шишкова уже не прерывалась. В «Летописи» была напечатана повесть «Тайга», одобренная А. М. Горьким. Вслед за ней начали появляться новые произведения, из которых наиболее известны повести — «Пейпус-озеро», посвященная гражданской войне, «Свежий ветер» — о советской деревне послереволюционных лет, большой роман «Угрюм-река», в котором писатель показал широкую картину жизни Сибири. Подлинную славу принес В. Шишкову его роман «Емельян Пугачев», по праву считающийся одним из лучших советских исторических романов. Писателю удалось создать живой, реалистический образ выдвинутого народом вождя крестьянского восстания и дать широкую, впечатляющую картину социальных отношений той эпохи.

Россия народная, рвущаяся к свободе, к правде и разумной жизни, Россия свободная, революционная, ведущая за собою в будущее другие народы, была источником вдохновения для писателя, и это обусловило не только широту его тематики, но и все художественное своеобразие его произведений и самый язык их — яркий, красочный, самобытный.

Горячий патриот советской державы, В. Шишков, несмотря на преклонный возраст, в трудные дни блокады Ленинграда активно сотрудничал во фронтовой печати, продолжал усиленно трудиться над романом «Емельян Пугачев», за который ему была посмертно присуждена Сталинская премия первой степени.

«Кончилось время жалеть себя. Родину жалей, а не себя. Умри, а родную землю защити!» — говорит герой одного из военных рассказов В. Шишкова, старый сибиряк-колхозник, и кажется, что в этих словах слышится взволнованный голос самого автора.

Вопреки жизненной правде

Обсуждение пьесы Б. Полевого «Неугасимое пламя» на Сталинградском тракторном заводе.

С интересом ждали рабочие и служащие Сталинградского тракторного завода появления пьесы Б. Полевого «Неугасимое пламя». Мы знали, что пьеса эта посвящена нашему заводу, и думали, что Б. Полевой после хорошей, вдумчивой книги «Повесть о настоящем человеке» создаст глубокое, правдивое произведение о заводе, который имеет такую славную, боевую историю.

Недавно у главного инженера завода тов. Макоеда собрались командиры производства, лучшие люди завода. Многие из них пришли на завод семнадцать лет назад, они возводили стены цехов и домов, создавали первый советский трактор. С недоумением слушали они чтение пьесы Б. Полевого «Неугасимое пламя».

Обсуждение пьесы заняло два вечера.

— Б. Полевой, очевидно, не имеет представления о работе крупного советского предприятия, — говорит инженер-дизелист т. Врублевский, — писатель не изучил жизнь и людей Сталинградского тракторного завода, поэтому он и не смог создать правдивое художественное произведение. Б. Полевой исказил образы людей завода. В сущности, герои пьесы — карикатуры на сталинградцев. Все знают Героя Советского Союза сержанта Павлова. Это исключительно скромный человек. Он выведен в пьесе в образе Якова Петрова—бесшабашного парня, хвастуна и пошляка. Инициатора знаменитого движения сталинградских женщин Александру Черкасову Б. Полевой подменил образом Лизки Зыковой, «бабы нахальной», «первой бузотерки»; парторг ЦК ВКП(б) Гребнев ничего не делает, его талант «разворачивается» только в пляске; инженер Чуприянов — нытик, мечтающий о покое, боится всего нового и передового. Б. Полевой не потрудился хотя бы немного познакомиться со спецификой работы такого предприятия, как наше. Как может, например, «пыхалка»—примитивная электростанция, работающая на одном моторе, давать электроэнергию всему заводу и поселку?

— Если бы эту пьесу показать в театре сталинградцам, — сказал заведующий парткабинетом тов. Горбоконенко, — они были бы глубоко возмущены. Совершенно нелепым выглядит драматургический конфликт между директором—уральцем Кошаровым, борющимся за новый трактор, и пионерами тракторостроения — сталинградцами, которые почему-то отказываются от новаторской идеи.

Инженер тов. Раковский также говорил о ложном, надуманном конфликте произведения. Директор Кошаров, приехавший с Урала, противостоит всем сталинградцам, которые бездельничают, не хотят и не умеют работать. А сам этот директор производит малоприятное впечатление, это — угрюмый, странный человек.

— Многие из нас, сталинградцев, — сказал тов. Раковский,—работали во время эвакуации на Урале, однако, у нас не было никаких столкновений с уральцами, мы жили с ними дружно, делали общее большое дело.

Тов. Раковский говорит далее о фальшивом, примитивном языке героев пьесы.

— Где слышал автор эту убогую речь? Сталинградцы так не разговаривают: «вкалываем по 14 часов», «вот как тресну», «бесстыжие глаза-то выцарапаю» и т. д. и т. д.

— Сталинградцы — это слово стало олицетворением мужества и геройства в борьбе и труде. Сталинградские тракторостроители создали первый советский трактор, они являются пионерами советского массово-поточного производства, они восстановили в короткие сроки завод. В пьесе же они преимущественно показаны нытиками, лодырями, — сказал тов. Исаев, начальник отдела технической информации.

— Читая пьесу, чувствуешь обиду за Б. Полевого — автора «Повести о настоящем человеке», — заявил инженер тов. Берлинер, начальник сборочного цеха.— Автор не знает людей нашего завода, его рабочих и инженеров. Где он видел такого мастера-кадровика, каким изображен Суслов? Наши люди тем и хороши, что всегда работали и работают, не жалея сил. «Неугасимое пламя» — надуманная вещь, ничего общего не имеющая с советской действительностью.

— Создавая пьесу о Сталинградском тракторном заводе, Б. Полевой лишил ее идейного стержня, — сказал инженер тов. Лопатин, начальник тракторного цеха. — Он не понял характера сталинградцев.

— Тяжело читать это произведение,— сказал главный инженер тов. Макоед. — Автор легкомысленно отнесся к своей работе. Создается впечатление, что материал для своей пьесы он получил из третьих рук.

Жизнь Сталинградского тракторного завода — яркая страница в истории борьбы и побед советского народа. Изображая в своей пьесе завод и его коллектив в один из самых тяжелых и ответственных периодов его жизни, писатель должен быть честным и правдивым. Чем ближе был бы он в изображении характеров к действительности, тем ярче и правдивее было бы самое произведение.

Б. Полевой обманул ожидания сталинградцев. Пьеса его не отвечает тем высоким требованиям, какие народ пред'являет к своему искусству.

Такую оценку дал многотысячный коллектив трижды орденоносного Сталинградского тракторного завода пьесе Б. Полевого «Неугасимое пламя», опубликованной в № 11 журнала «Октябрь» за 1947 год.

Елена ЧЕНЦОВА.

СТАЛИНГРАД.

Искусство—всегда оружие!

Открытое письмо английскому режиссеру Майклу Макоуэну

Сергей ОБРАЗЦОВ

Господин Майкл Макоуэн!

В журнале «New Theatre» я прочел статью г-на Арнода Д'Юссо «Театр не может быть нейтральным». Г-на Д'Юссо я знал, как одного из авторов содержательной и очень серьезной по теме пьесы «Глубокие корни», а прочтя статью, еще раз обнаружил в нем человека горячего, искреннего, остро ощущающего ответственность искусства перед человеческим обществом.

В этой статье г-н Д'Юссо призывает всех честных театральных работников принять активное участие в тяжелой борьбе передового человечества с реакцией и мракобесием, борьбе, происходящей не только на конференциях или в периоды выборных кампаний, но ежедневно и ежечасно во всех проявлениях общественной жизни, в том числе и в тех ее формах, которые называются искусством.

Мне было очень интересно знать, как отнесутся профессиональные работники английских театров к этому призыву, и поэтому, когда Вы, г-н Макоуэн, в ответ на статью г-на Д'Юссо, в том же журнале «New Theatre» напечатали Ваше письмо, я сейчас же прочел его.

Но, к сожалению, все в этом письме, начиная от его названия «Театр выше борьбы» и кончая последней его строчкой, оказалось настолько фальшивым и даже, простите меня, г-н Макоуэн, профессионально неграмотным, что мне захотелось вмешаться в спор и написать Вам о том, что избранный Вами небрежно-снисходительный тон вовсе не освобождает Вас от ответственности за то, что Вы написали.

Я позволю себе процитировать Ваши основные положения и показать всю их внутреннюю несостоятельность.

Вы пишете в Вашем письме: «Есть еще одна причина, которая мешает нам вести этот спор. Г-н Д'Юссо явный коммунист, или, скажем, марксист, и, как большинство коммунистов, он не говорит открыто о том, что он в действительности имеет в виду».

Это неправда, г-н Макоуэн. Вы знаете, что это неправда. Ваше дело — разделять взгляды коммунистов или спорить с ними, но именно потому, что коммунисты всегда излагают свои взгляды открыто, с предельной честностью и точностью, они и возбуждают такую ненависть своих политических врагов.

И всякий, кто сравнит Вашу статью и статью Д'Юссо, фразу за фразой, с неизбежностью обнаружит, что статья «явного коммуниста» написана совершенно откровенно, без каких бы то ни было вывертов и недомолвок, а Ваша — вся создана из самовлюбленного кокетства и яда, посыпанного сахарной пудрой.

Может быть, этот кулинарный рецепт Вы считаете правильным для декларации художника, стоящего «выше политики»?

В таком случае Вы ошибаетесь. Это плохой рецепт, так как Ваша статья и по содержанию, и по форме выдает Вас с головой, как человека, находящегося «внутри политики». Именно это Ваше фальшивое двусмысленное положение и заставило Вас наговорить такую кучу неверных и неграмотных фраз.

Вы пишете: «Искусство требует известного смирения в восприятии жизни». Внутренняя подоплека высказанной Вами мысли, безусловно, политическая, но сама фраза абсурдна даже с чисто искусствоведческой точки зрения. «Смирение» никогда не может вызвать желания действовать, так как это взаимно исключающие понятия. А ведь именно желание действенно вмешаться в жизнь и заставляет художника громко сказать людям о том, что обнаружил он в жизни прекрасного или отвратительного.

И если это справедливо по отношению к любому виду искусства, то тем более верно по отношению к театру, в котором само произведение искусства состоит в действии наиболее выразительном в моменты наибольшей внутренней активности. Разве «смирение в восприятии жизни» может вызвать большие чувства и большие благородные поступки? Или театр должен отказаться от показа этих поступков и возбуждения у зрителей этих чувств?

Возражая против термина «оружие», как определителя силы воздействия искусства, Вы пишете: «Оружие должно быть направлено против чего-либо или кого-либо, и, как правило, к нему прибегают в порыве злобы. В наше время изящные искусства вряд ли могут быть порождением злобы или какой-нибудь негативной идеи».

В этом Вашем утверждении все неверно. Неверны и первая фраза, и вторая.

Прежде всего оружие бывает направлено не только против чего-либо или кого-либо, но и в защиту чего-либо или кого-либо и, следовательно, используется одновременно и с чувством злобы против врага, и с чувством любви к тому, кого защищает человек, взявший в руки оружие, если, конечно, он не бандит.

Огромной любовью не только к своей Родине, но и ко всем тем миллионам населяющих землю людей, которым угрожал фашизм, была вызвана ненависть к врагу, позволившая гражданам Советского Союза бороться на-смерть и победить.

Мы сохранили и эту любовь и эту ненависть. Вероятно, поэтому мы острее других видим скрытые формы политической мимикрии и предупреждаем об опасностях фашизма.

Благодаря ошибочности первой Вашей фразы, благодаря тому, что Вы искусственно отделили злобу от любви, ошибочной сказалась и вторая фраза: «Изящные искусства вряд ли могут быть порождением злобы». Ошибочной потому, что и тут Вы рассматриваете злобу, как отвлеченную субстанцию, в то время как в настоящем искусстве, так же как и в жизни, «злоба» вызывается большой любовью. Конечно, не «смиренной», а страстной, активной любовью, т. е. как раз такой, которая характеризует большого художника. Шекспир страстно любит чистоту Дездемоны и благородство Отелло, любит даже в тот момент, когда ослепленный Отелло убивает ни в чем неповинную женщину, но Шекспир ненавидит Яго. Из благородной любви и благородной злобы автора создана эта трагедия. И сама она является грозным оружием против подлости и предательства, в защиту любви и веры в человека. И разве образ Яго нужно считать нехудожественным образом только потому, что он рожден ненавистью автора к тем «Яго», которые живут среди людей?

Я обвиняю Вас, г-н Макоуэн, в потере памяти потому, что Вы забыли произведения Ваших великих соотечественников. Перечитайте Диккенса. Любовь к Оливеру Твисту не могла не вызвать злобы к Феджину. В письме к Форстеру Диккенс писал: «Я еще не разделался с Феджином, а он такой от'явленный негодяй, что прямо не знаю, что с ним делать».

И Диккенс нашел-таки, что делать с Феджином. Он его повесил. И даже перед самой казнью не обнаружил в Феджине ничего человеческого: «...физиономия его напоминала скорее морду затравленного зверя, чем лицо человека».

Вы пишете, что для Вас Чехов «...это прелестный забавный портрет скромного, смешного провинциального доктора с его ласковой, улыбающейся проникновенностью в человеческие безумства и страдания». Мне кажется, что такая характеристика Чехова более чем поверхностна. Чехов вовсе не «смешной доктор», и его улыбка не так уж часто бывает ласковой. Иногда она ироническая, иногда горькая и чаще всего злая. Чехов безжалостен в характеристиках, которые он дает пошлякам, карьеристам и тунеядцам. Безжалостен потому, что в нем живет огромная вера в созидательный человеческий труд и мечта о прекрасном будущем человека, о «небе в алмазах». Боюсь, что, давая такую странную характеристику Чехову, Вы и Диккенса назовете всего-навсего «смешным старичком, носившим разноцветные жилетки». В таком случае перечтите «Давида Копперфильда», «Домби и сын», «Крошку Доррит», и Вы увидите степень диккенсовской любви и ненависти, увидите даже в тех поздних произведениях, в которых автор старается искусственно исправить негодяев.

Нет, не удастся Вам отнять у искусства право на ненависть, так как этим вы отнимете у него и право на любовь.

Увлеченный спором с Д'Юссо, Вы, г-н Макоуэн, может быть, сами того не замечая, стараетесь лишить театр какой бы то ни было силы воздействия на зрителя, превратить его во что-то очень похожее на сироп или воскресный пудинг. Не желая принять данного Д'Юссо определения театра, как «арены, где решаются спорные вопросы», Вы пишете: «Когда я думаю обо всем том, что мне довелось испытать в театре, о минутах веселья и радости, нежности, сочувствия и просветления, о наслаждении красотой и гаммой красок, я могу лишь над ним (т. е. над господином Д'Юссо.—С. О.) посмеяться или скорбеть за него».

Не стоит смеяться, г-н Макоуэн. Лучше скажите, что Вы понимаете под словами «веселье», «радость», «сочувствие»?

Ведь эти понятия, так же как и «злоба», не существуют безотносительно к тому, чем вызвано веселье и радость, чему или кому Вы сочувствуете и от чего возникает «просветление».

Именно потому, что всякое произведение искусства, маленькое или большое, в том числе и всякое театральное представление, вызывает у зрителей определенные эмоции, именно поэтому оно оказывает влияние на души зрителей, и влияние это бывает либо хорошим либо плохим, но «никаким» оно не может быть.

Книга, спектакль или роль в руках художника—оружие, и нельзя размахивать им безответственно. Можно поранить человеческие души. Даже, кажущаяся на первый взгляд безобидной, полуприличная песенка певицы ночного ресторана приносит больше вреда, чем можно предположить.

Это бесспорно, так же как бесспорно и то, что многие книги, спектакли и кинокартины, принадлежащие настоящим честным и высокоморальным художникам, приносят людям огромную пользу и что именно в этом и есть высокое призвание художника и его ответственность перед людьми.

Искусство—не просто профессиональное занятие, искусство — форма общественной деятельности, ибо служит интересам людей, интересам общества, и противоречия внутри общества и борьба этих противоречий отражаются в искусстве. Не видеть это может только слепой или человек, сознательно надевающий на свои глаза черные очки.

Общественно-политические проблемы пронизывают произведения великих писателей Англии: Шекспира, Свифта, Диккенса, Байрона так же, как и великих писателей России: Пушкина, Гоголя, Грибоедова, Толстого, Чехова, Горького, ибо говорят эти писатели о людях, а люди живут в обществе, а не в безвоздушном пространстве.

Перечтите «Ричарда III», и Вы ощутите гневного и страстного Шекспира, который осуждал предателя Ричарда, пытавшегося вернуть английский народ к феодализму хотя бы кровью англичан. И неужели можно отрицать общественно-политическое значение Байрона, борца за свободу не только на страницах его книг, но и в жизни.

Ваша статья, г-н Макоуэн, заканчивается фразой:

«Пока м-р Д'Юссо и его друзья не научатся ставить театр, жизнь, лежащую в основе театра, и его зрителей—выше социальных теорий, они не смогут завоевать зрителя. И мы, все те, кто един в своей верности нашему искусству, можем себе позволить посмеиваться над ними».

Снимите черные очки и перечтите эту Вашу фразу.

«В основе театра лежит жизнь». Это правда. Но ведь в основе социальной теории лежит та же самая жизнь! Как же Вы не видите взаимозависимости в том, что одинаково рождено жизнью. Как можете Вы после этого присягать на верность театру, как чему-то существующему отвлеченно? Как можете Вы не замечать элементов социальных теорий в пьесах Шекспира, Чехова, Диккенса, которые Вы же сами ставили?

Я не видел поставленных Вами спектаклей, но если они посещаются зрителями, то неизбежно вызывают эмоции, чувства, а следом за этим и мысли, потому что человек—существо мыслящее. А коли так, значит в Ваших руках находится то самое «оружие», которое Вы отрицаете. Вопрос только в том, за что и за кого Вы сражаетесь этим оружием и приносит ли оно пользу или вред.

СОВЕТСКАЯ КИНЕМАТОГРАФИЯ В 1947 ГОДУ

КОНФЕРЕНЦИЯ ТВОРЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

На-днях закончилась конференция творческих киноработников, посвященная подведению итогов работы советской кинематографии в 1947 году.

Это был год, когда работа всех звеньев советского кино проходила под знаком выполнения исторических решений Центрального Комитета ВКП(б) по вопросам литературы, театра и кинематографии.

Оценивая успехи, достигнутые в истекшем году, министр кинематографии СССР тов. И. Г. Большаков сообщил в своем докладе, что государственный план выпуска научных и учебных картин выполнен. Превышено плановое задание по производству документальных фильмов. Однако художественных фильмов в 1947 году выпущено 27 вместо запланированных 30, и это, безусловно, снижает результаты годичной работы советской кинематографии.

Значительную часть своего доклада тов. Большаков посвятил разбору таких выдающихся произведений советского киноискусства, как созданные в прошлом году фильмы — «Сказание о земле Сибирской» режиссера И. Пырьева, «Сельская учительница» — М. Донского и «Русский вопрос» — М. Ромм. «Русский вопрос» — это контрнаступление советского киноискусства против клеветнической и реакционной продукции Голливуда.

Фильм «Алишер Навои», снятый режиссером К. Ярматовым в Ташкентской киностудии, азербайджанский фильм «Фатали Хан» режиссера Е. Дзиган, «Подвиг разведчика» — режиссера Б. Барнет, снятый в Киевской киностудии, свидетельствуют о росте национальной кинематографии.

В этом году созданы также кинокартины, знаменующие возникновение собственной национальной кинематографии в прибалтийских советских республиках. Это литовский фильм «Марите», «Возвращение с победой», снятый по пьесе В. Лациса в Рижской киностудии, и «Жизнь в цитадели» по одноименной пьесе эстонского писателя А. Якобсона.

Однако и 1947 год не обошелся без серьезных творческих промахов. Докладчик подробно проанализировал характер и причины неудачи фильмов «Молодая гвардия» режиссера С. Герасимова, «Жизнь в цвету» А. Довженко, находящихся в настоящее время в переработке, «Свет над Россией» С. Юткевича, который не был выпущен на экран из-за серьезных ошибок идеологического и художественного характера.

Среди картин, увидевших свет, немало было произведений посредственных, серых, неинтересных.

По докладу тов. Большакова развернулись оживленные прения, в которых творческие работники кинематографии подвергли серьезному обсуждению насущные вопросы кинопроизводства. Ряд выступавших (М. Донской, С. Герасимов, И. Пырьев) посвятили свои речи критическому разбору творческих неудач некоторых выдающихся мастеров советского кино.

Строгой и справедливой критике была подвергнута на конференции газета «Советское искусство». Эта газета, формально являющаяся органом Министерства кинематографии, не уделяет достаточного внимания ни важнейшим вопросам кинопроизводства, ни критическому разбору кинокартин.

Одним из важнейших факторов роста советского киноискусства является воспитание новых кадров творческих работников. Эта острая для нашей кинематографии проблема нашла отражение в выступлениях многих участников конференции. Тов. Большаков назвал ряд молодых талантливых актеров и перечислил наиболее удачные работы молодых операторов, дебютировавших в истекшем году. Гораздо хуже положение с воспитанием новых режиссеров и сценаристов. Нельзя не отметить ошибку, допущенную в освещении этого вопроса докладчиком. Названные министром «молодые» режиссеры (тт. Арон, Фролов) вовсе не так уж молоды не только по возрасту, но и по своему кинематографическому стажу. Такая же ошибка была допущена тов. Большаковым и в перечислении «новых» сценаристов. Впрочем, совершенно неудовлетворительное состояние сценарного дела было единодушно признано как самим докладчиком, так и многими ораторами.

По мнению тов. Большакова, в этом виноват Союз советских писателей, который стоит в стороне от творчества кинодраматургов и от вопросов, связанных с созданием высококачественных сценариев.

Выступивший от имени секретариата Союза советских писателей тов. Б. Горбатов признал справедливость этих упреков. Союз советских писателей до сих пор очень мало уделял внимания развитию кинодраматургии, не заботился о повышении ее идейно-художественного качества, не привлекал писателей к работе в кинематографии. Слабость кинодраматургии является значительным тормозом в развитии советского кино. Союз писателей должен и готов нести ответственность за состояние и качество сценариев. Однако в самой системе кинопроизводства сценаристы существуют только как «сценарная проблема», но вовсе не как равноправные участники кинематографического творчества.

— В самом докладе тов. Большакова, — отметил Б. Горбатов,—сказалось невнимание к работе сценаристов. Говоря об успехах советского киноискусства, докладчик даже не упомянул об авторах, по сценариям которых поставлены эти высоко оцененные министром картины. Зато неудача ряда картин отнесена целиком за счет сценаристов и подчас несправедливо. Это не способствует привлечению к сценарной работе писателей, которым не гарантировано внимательное отношение к их творчеству. У писателя даже нет уверенности, что написанный им сценарий будет реализован бережно и с должным уважением к произведению автора.

Заместитель министра кинематографии СССР тов. М. Калатозов рассказал участникам конференции об огромной, все растущей популярности советских кинокартин на международном экране. С каждым годом все больше и ярче сказывается превосходство идейного и глубоко человечного советского киноискусства над деградирующей кинопродукцией Голливуда.

Высокая идейность и правдивость наших картин помогают иностранному зрителю по достоинству оценить растленную продукцию американского кино. И этот зритель все решительнее восстает против засилия американских фильмов.

Нынешний, 1948 год должен стать годом нового под'ема советской кинематографии, — ее дальнейшего идейного и художественного роста.

Б. ДУНАЕВСКИЙ.

Дворец над Яузой

Когда проект реконструкции Московского высшего технического училища им. Баумана (МВТУ) был принят и признан на конкурсе лучшим, сам автор его, Петр Иванович Бронников, неожиданно для всех дал ему отвод.

Дело в том, что, пока рассматривался проект, Бронникову стали известны некоторые подробности из истории этого старинного здания...

Там, где расположены сейчас корпуса МВТУ, в местности, именовавшейся в прошлом слободой Кукуй, стоял некогда невидный домик, описанный в «Петре Первом» А. Толстого, — аустерия Иоганна Монса.

В середине XVIII века на месте развалившейся аустерии старейший русский архитектор Ухтомский построил особняк для графа Бестужева-Рюмина. В 1787 году великий русский зодчий Матвей Казаков перестроил это здание. Созданный Казаковым «Слободской дворец» имел множество залов, мощный ионический портик на главном фасаде и необычайно эффектную полуротонду, выходящую к Яузе. Перед дворцом раскинулся парк с гротами, фонтанами, скульптурами, аллеями старых лип, признанный в то время одним из лучших в мире.

Слободской дворец был подарен владельцем Павлу I, которому понравилось все, кроме... парка. По приказу сумасшедшего царя, парк был срублен в одну ночь и превращен в плац для строевых смотров. Уцелела лишь заречная часть его, существующая и сейчас, — «Лефортовский парк».

В 1812 году во время пожара Москвы Слободской дворец сильно пострадал от огня. Тогда участником реконструкции этого здания стал третий крупнейший русский архитектор — Жилярди, перестроивший дворец для Технического училища. Он полностью изменил фасад, придав ему черты монументального стиля русского классицизма, но не нарушил цельности композиции и сохранил полуротонду Казакова.

Главный архитектор Государственного института по проектированию вузов П. И. Бронников, свято храня классическое наследие русских зодчих, решил в своем новом проекте связать проектируемые здания МВТУ с ныне существующими в единый архитектурный ансамбль. Это была долгая и сложная работа, отнявшая у архитектора не один год.

И вот новый проект готов. Полуротонда Казакова вместе с примыкающими к ней новыми лоджиями станет центром всей композиции. От нее к набережной и парку выйдет красивый внутренний двор. Между колоннами будут установлены бронзовые фигуры корифеев науки. В передней части внутреннего двора предусмотрено сооружение величественного памятника Н. Э. Бауману. Пол из мраморной мозаики, бассейн с фонтанами и декоративная партерная зелень завершат оформление открытого зала—двора, равного по размерам Советской площади перед Моссоветом.

Композиция завершается надстройкой полуротонды с аркой в центре—мотивом, применявшимся Матвеем Казаковым. Сохраняется старый фасад Жилярди, выходящий на 2-ю Баумановскую улицу. А новым огромным корпусам на набережной придается тот же характер русского классицизма, но в современном преломлении.

Новый проект П. И. Бронникова и его соавторов М. Д. Липовецкой и Г. А. Заденварк вторично выдержал конкурс и вновь был принят. Постановлением Совета Министров СССР строительство МВТУ им. Баумана отнесено к первоочередным стройкам этого года.

На снимке: перспективный вид МВТУ им. Баумана со стороны Яузы после реконструкции. В центре видна полуротонда водчего Казакова. На заднем плане — существующие здания училища.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Старая ошибка в новом календаре

В 1948 году исполняется 240 лет со дня введения в России гражданской азбуки, являющейся основой современного русского шрифта.

До начала XVIII века русские книги печатались церковно-славянским шрифтом. Создание и введение в 1708 году Петром Первым гражданского шрифта для светских изданий было исключительно важным событием культурно-политической жизни. Новый гражданский шрифт был значительно проще церковно-славянского по своему начертанию и построению (отсутствие сильно затруднявших чтение «сил» — ударений, «титл»—сокращений и т. п.); поэтому введение его сделало грамоту более доступной для народа.

Долгое время считалось, что Петровская гражданская азбука создана путем переработки кирилловского печатного полуустава под латинскую антикву, причем переработка эта была якобы произведена по заданию Петра в Голландии голландскими мастерами.

Теория об иноземном происхождении нашей азбуки была опровергнута научными изысканиями, проведенными Научно-исследовательским институтом полиграфической и издательской техники, в частности, изданной в 1947 году работой кандидата искусствоведческих наук А. Шицгала «Графическая основа русского гражданского шрифта» (изд-во «Гизлегпром»). Изучив по архивным источникам рукописные почерки конца XVII и начала XVIII века, автор устанавливает, что в деловой переписке этого времени широко применялся особый почерк, который он именует «гражданской скорописью». Графический анализ этого почерка наглядно показывает, что петровский гражданский шрифт построен, главным образом, на основе этого национального русского письма.

Происхождение нашего гражданского шрифта из русского рукописного подтверждается и самим названием Петровской гражданской азбуки — «Изображение древних и новых письмен славянских, печатных и рукописных».

А. Шицгал доказывает также, что в создании нового гражданского шрифта основное участие принимали талантливые русские мастера во главе со словолитчиком Михаилом Ефремовым. Это подтверждается челобитной Михаила Ефремова на имя Петра Первого.

«В прошлом государь (707) году, мая в (18) день,—пишет в этой челобитной Ефремов,—по твоему, Великого государя, указу и по приказу бояриңа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, на книжном печатном дворе, делал я пунцоны и материцы, против образца рукописного, который прислал из военного походу (707) году, мая в (18) день».

Графический анализ Петровской азбуки доказывает, что созданные в Москве рисунки литер были в Голландии по заданию Петра только технически усовершенствованы.

К сожалению, опровергнутая легенда об иноземном происхождении нашей азбуки и шрифта продолжает еще находить себе сторонников.

В массовом отрывном настенном календаре 1948 года, изданном Госполитиздатом тиражом в 4 млн. экземпляров, проф. Сивков пишет по случаю юбилея русского гражданского шрифта:

«Знакомство Петра с иностранной литературой, продолжительное путешествие по Западной Европе привели его к убеждению, что латинская азбука лучше и проще церковно-славянской. В 1708 году по приказанию Петра из Голландии приехали три типографщика и привезли литеры для печатания русских книг».

Так сложный процесс создания русской гражданской азбуки сводится Госполитиздатом к простому заимствованию из-за границы («приехали» и «привезли») латинского шрифта.

В. ИСТРИН

НЕДОПУСТИМОЕ ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ

Вряд ли есть надобность доказывать, что наши высшие учебные заведения, и исторические факультеты в особенности, должны уделять серьезное внимание изучению советской культуры, ее истории.

Как же в действительности обстоит дело?

Перед нами «Программа по истории СССР (для исторических факультетов университетов и педагогических институтов)», официально утвержденная Министерством высшего образования СССР. В этой программе имеется 11 подразделов, посвященных различным этапам развития культуры от Киевской Руси и до Великой Октябрьской социалистической революции. Особенно широко представлена история культуры XIX—начала XX в. в. Против подробного освещения истории дореволюционной культуры возражать не приходится: это молодым историкам необходимо хорошо знать. Но почему же в программе так мало говорится о советской культуре?

Под заглавием «Разгром Деникина» затерялась одна фраза: «Наука, искусство и литература в период гражданской войны». Затем в рубрике «Год великого перелома» появляется столь же общая фраза: «Культурное строительство в национальных республиках». Наконец, только в рубрике «Итоги второй пятилетки» отведено с десяток строк советской культуре.

В программе встречается «ранний Маяковский», а после Октябрьской революции Маяковский уже не упоминается. В своем месте в программе говорится о создании Московского Художественного театра, названы имена Станиславского, Немировича-Данченко, Книппер, Москвина, но ни о Художественном театре, ни о его деятелях в послеоктябрьский период уже ничего не говорится.

Авторы программы по истории СССР считают нужным изучать символистов, они включают в программу «Футуризм и другие направления» (какие?), но они не считают нужным, чтобы будущие учителя знали, что такое социалистический реализм. В программе названо много имен представителей дворянской и буржуазной культуры, не забыты даже такие имена, как Л. Андреев или Ф. Сологуб. Но тщетно вы будете искать имена Н. Островского или Э. Багрицкого, Джамбула. В программе фигурируют всего шесть имен деятелей советской культуры.

С именами в программе дело обстоит вообще как-то странно: не только упоминаются, но особо выделены Плеве, Витте, Столыпин, Сухомлинов, даже Бобриков, но не названы имена многих выдающихся деятелей советского государства.

Эти огромные пробелы в программе по истории СССР говорят о недопустимом пренебрежении к истории советской культуры, с которым нельзя мириться.

На исторических и литературных факультетах читаются курсы истории русской литературы, в некоторых специальных высших учебных заведениях поставлены курсы истории тех или иных разделов науки и искусства; кое-где факультативные курсы по истории искусств введены и на исторических факультетах, но нигде еще не читается синтетический курс истории советской культуры. А такой курс пора было бы ввести.

Профессор А. ГУКОВСКИЙ.

По следам выступлений «Литературной газеты»

О „ЗАБЫВЧИВОСТИ"

Под таким названием «Литературная газета в № 11 от 7 февраля с. г. опубликовала статью А. Морозова, в которой речь шла о том, как нельзя издавать переводные брошюры.

Директор Гостехиздата т. Рыбкин в своем письме в редакцию признал, что издательство допустило ошибку, выпустив брошюру Брэгга без редакционного предисловия и примечаний, в результате чего брошюра дает неправильное представление о роли русской науки и техники в истории электромагнетизма.

Тов. Рыбкин сообщил также, что издательство подготовило к печати оригинальную работу о людях русской техники, в том числе и о великих русских электротехниках, издало сочинения великого русского геометра Лобачевского и заканчивает издание собрания сочинений А. Г. Столетова. В 1948 году издательство выпустит избранные сочинения отца русской авиации Н. Е. Жуковского, собрание сочинений С. А. Чаплыгина и другие работы выдающихся русских ученых.

«ПОНЕДЕЛЬНИКИ» СТАВРОПОЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

СТАВРОПОЛЬ. (**Наш корр.**). Это уже давно стало хорошей традицией города: по понедельникам в доме № 135 на улице Дзержинского, в зале краевой библиотеки, собираются 70—80 человек из числа местной интеллигенции.

Профессора медицинского, педагогического и сельскохозяйственного институтов Ставрополя рассказывают на «понедельниках» о проблемах, над которыми они работают, писатели читают свои новые произведения, артисты местных театров выступают с творческими отчетами.

Большой интерес вызвали устроенные недавно вечера, посвященные литературе и музыке. Кандидат филологических наук А. Попов сделал доклад на тему: «Советская литература — самая идейная, передовая в мире». Режиссер Ставропольского драматического театра Б. Ратов выступил с лекцией «Советский театр за 30 лет». Все вечера сопровождаются обычно тематическими выставками и библиографическими обзорами литературы.

Недавно общественность Ставрополя отмечала трехлетие литературных «понедельников» краевой библиотеки.

КНИГИ НА ЯЗЫКЕ КОМИ

КУДЫМКАР. (**Наш корр.**). Коми-Пермяцкое окружное издательство готовит к выпуску краткие биографии В. И. Ленина и И. В Сталина на языке народа коми.

В план издательства на этот год включено 34 книги общим тиражом свыше 60 тысяч экземпляров.

Переводятся с русского языка избранные стихотворения М. Ю. Лермонтова, сборник уральских сказов П. Бажова—«Малахитовая шкатулка», книги для детей К. Ушинского, А. Гайдара, М. Пришвина, В. Бианки и другие. По плану издательства их намечено выпустить в свет в этом году.

Издаются произведения местных авторов — Н. Попова, С. Караваева, сборники коми-пермяцкого фольклора, сказки, пьесы, книги об опыте передовиков колхозного труда и лесного хозяйства.

До Октябрьской революции коми-пермяки не имели своей письменности. В XIV веке миссионер Стефан Пермский составил для них азбуку. Впоследствии она была забыта. Преподавание в немногочисленных местных школах шло на русском языке.

Сейчас в Коми-Пермяцком национальном округе дети обучаются на родном языке. Издается своя учебно-методическая литература для школ и педагогических училищ. В прошлом году вышли «Родная речь» для 3-х и 4-х классов, «История СССР», «География», «Неживая природа» и несколько других учебников. В этом году намечены к изданию «Методика коми языка», грамматика и буквари.

КУРС ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ В ВУЗАХ

В предстоящем 1948/49 учебном году в некоторых вузах Москвы, Ленинграда, Киева и Львова вводится преподавание истории науки и техники. По мере подготовки соответствующих преподавательских кадров новая дисциплина будет включена в программы и других вузов страны.

Московский и Ленинградский университеты начнут новый курс с истории отдельных наук, в Московском горном институте, в Ленинградском и Киевском политехнических институтах и в ряде других технических вузов вводится курс истории техники. При чтении этих курсов особое внимание уделяется развитию советской науки и техники, важнейшим открытиям и изобретениям отечественных ученых.

Готовятся к изданию учебники и учебные пособия для новой дисциплины. В этом году будет издана серия плакатов по истории науки и техники, а на будущий год намечен выпуск учебников по общему курсу истории техники и библиографических справочников «История русской техники».

В Москве и Ленинграде уже проводится цикл лекций по истории русской науки и техники для профессоров и преподавателей вузов.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательства — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01125